

18+

ДЕЛА ТАКАЦЦИ

ПОД ШКУРОЙ
ГАУРА

Часть III. Хортинай Стайдера

Лела Такацци

**Под шкурой гаура. Часть
3. Хортинай Стайдера**

«Издательские решения»

Такацци Л.

Под шкурой гаура. Часть 3. Хортинай Стайдера / Л. Такацци —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687733-7

Под шкурой гаура прячется израненный человек, а книга под видом классического фэнтези о контакте двух миров являет нам горькую правду о психологии раба. Что происходит с душой человека в результате долгих лет насилия? Возможно ли после плена и издевательств вернуться к обычной жизни? Под маской романа о любви и приключениях скрывается рассказ о человеке, потерявшем и нашедшем себя. Лишь череда испытаний помогает ему вновь вернуться к внутренней свободе и самоуважению.

ISBN 978-5-00-687733-7

© Такацци Л.
© Издательские решения

Содержание

Рецензия на книгу «Под шкурой гаура»	6
Глава 1. Обоз, идущий на восток	8
Глава 2. Лагерь	14
Глава 3. Переезд в ущелье	22
Глава 4. Традиции Сарейма	29
Глава 5. Сейна	35
Глава 6. Иди к демону	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Под шкурой гаура

Часть 3. Хортинай Стайдера

Лела Такаци

Редактор Анна Мурадова

Корректор Анна Мурадова

Дизайнер обложки Анна Олина

© Лела Такаци, 2025

© Анна Олина, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-7733-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-7729-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рецензия на книгу «Под шкурой гаура»

С первых страниц этой книги мы погружаемся в знойный, красочный, наполненный пряными ароматами мир, контакт с которым необходимо наладить группе исследователей из современной России. На первый взгляд это каноническое фэнтези о попаданцах со всеми элементами приключенческого романа: тут и похищения, и сражения, и интриги, и, конечно же, любовь. Не обходится даже без чудесных совпадений в мелодраматическом духе. Однако это всего лишь увлекательная упаковка для рассказа о страшном и совершенно не привлекательном явлении, которое, увы, встречается и в нашем мире.

Во что превращается человек после долгих лет плена, рабства, пыток и унижения? Нет, не в героя-любовника, который благодарен прекрасной даме за избавление от смерти, а в глубоко травмированного человека с израненной психикой, который уже не в состоянии доверять никому. И можно сколько угодно играть роль спасительницы, женщины-судьбы, которая несет свободу угнетенным, но результат будет весьма скромным. Если и поблагодарят, но не сразу, да и это не гарантировано. Прийти в чужой мир, ворваться в чужую жизнь и восстановить справедливость – вроде бы благородная задача, но и в нашем, и в чужом мире люди устроены не так, как нам мечталось бы. Человек, переживший насилие, будет в лучшем случае недоверчивым и осторожным. И, к счастью для героини книги, ей выпал именно этот, наилучший из вариантов, а могло бы быть и гораздо хуже.

В этом и состоит главное достоинство книги: под шкурой дикого быка гаура прячется человек, настолько искалеченный морально, что путь к благополучию для него заказан, а под абсолютно классическим сюжетом проступает грубоватая правда жизни. Впечатление такое же, как если бы в старом добром индийском фильме появились документальные кадры.

В романе более чем достоверно описана склонность женщины к спасательству, любовь к страдающим без понимания горькой и страшной правды: человек, много лет подвергавшийся пыткам и унижениям, может быть опасен. Как тут не вспомнить реальных, не книжных, женщин, влюбляющихся в заключенных или в бывших солдат, имеющих боевой опыт в горячих точках?

Повествование строится именно на этом контрасте: читатель настраивается на красивую сказку о влюбленных, а получает историю о душевной травме, которая, в отличие от телесных ран, заживает долго и то не полностью. Страдания героя поначалу волнуют воображение, но позже становятся серьезным препятствием для общения, а то и вовсе грозятся разрушить и без того хрупкую привязанность. И чем дальше, тем больше Милена, которой нравится искалеченный, озлобленный на весь мир Гаур и совершенно не интересен благополучный и рассудительный соратник Терсонис, вызывает сочувствие: в ней, вполне вероятно, многие читательницы узнают либо себя, либо кого-то из ближайшего окружения. Любовь с массой препятствий, которые надо преодолевать, в литературных произведениях этого жанра обычно романтизируется и считается более достойной, чем скучное сосуществование обывателей. Не будь этой трудной любви, не было бы и увлекательного сюжета. Однако автор ставит перед нами непростой вопрос: можно ли всерьез предполагать, что после всех приключений и злоключений герои будут жить долго и счастливо?

Книга читается на одном дыхании, автор выстраивает динамичный, захватывающий сюжет, играя по всем правилам жанра. Яркие, запоминающиеся герои показаны глазами пылкой девушки и четко разделены на благородных и злодеев. Однако не все они укладываются в привычную схему, а некоторые персонажи и вовсе оказываются совсем не теми, за кого себя выдавали. Условное Средневековье, красочное и иногда пугающее, увлекает и завораживает, настолько отчетливо прописана каждая деталь жизни и быта Калитоса, вымышленной страны

не нашего мира. Остается лишь пожелать читателям приятного путешествия вместе с героями книги!

Анна Мурадова

Глава 1. Обоз, идущий на восток

Мутный и на сей раз пасмурный и мрачный рассвет едва забрезжил, когда Милена, полностью собранная, с полупустой холщовой сумкой через плечо стояла у ворот имения Нандиса в ожидании самого хозяина. Закрытая повозка уже выкатилась на подъездную вязовую аллею вместе с двумя крепкими стражниками, сидящими на запятках. Девушка оделась в неприглядное и простецкое платье цвета увядающей листвы с длинными и расклешенными рукавами, которое для нее нашли в гардеробных прислуги парламентария, и скрыла голову однотонной льняной косынкой, чтобы не сильно выделяться. С увязанными в косу волосами она стала похожа на обычную горожанку среднего сословия. Ее могла бы выдать бинтовая повязка на левой руке, но и ее укрывал длинный рукав. Светиться не стоило, ибо намерения жандармерии и без того были слишком очевидны, а уж после их вчерашнего открытого сопротивления – и подавно жди ответки.

Ее последняя на сегодня задача в Аскалитании была проста и коротка: встретить лекарей, знахарей истряпух на окраине города и проследить за их благополучным отбытием на восток вслед за октанцами и сареймянами. Анталай пошел на уступку и позволил довести до конца это задание, ведь именно с ней договаривались накануне местные жители. Все сочли, что в сопровождении Юсталиса Нандиса и его охраны за жалкий час с Миленой не должно ничего случиться. Ну а дальше – все, назад в Ольховинку. Корпеть в секторе над безликими документами и отчетами. В гостевой спальне флигеля ее ждала современная сумка с личными вещами да ольховинская одежда, в которую она собиралась переодеться по возвращении. Сердце тоскливо трепетало, но поделаться Милена уже ничего не могла.

Юсталис появился через пару минут и поторопил девушку в повозку, отдавая приказ трогаться. За эти беспокойные дни, когда ему пришлось скооперироваться с Анталаем и вплотную впрячься в их общее дело, он стал выглядеть сосредоточенным, если не сказать замороченным, но более уверенным и решительным, чем раньше. Едва они устроились на дорогах буковых скамьях повозки, обитых нежнейшим охровым бархатом, парламентарий виновато кашлянул и поправил расшитый ворот батистовой рубашки, который то ли душил его, то ли раздражал.

– Непривычно видеть вас, сеньора Милена, в столь неподобающем вашему статусу и красоте наряде.

– Я и такой бы у себя дома не надела, – передернула плечами девушка, абсолютно равнодушная к вопросам местных туалетов и подавленная осознанием того, что это было ее последнее утро в Калитосе. – Вы же сами наверняка видели: женщины в Ольховинке носят совсем иную одежду. Куда мне длинные юбки и все эти кружева...

– Да, конечно, – смущенно опустил взор Юсталис. – Хотя я не часто бывал в вашем мире, но... Должен признать, он меня поражал всякий раз. И теми удивительными техническими диковинами, так пугавшими нас поначалу, и другой культурой, и самими людьми. Неужели ваш этап цивилизационного становления – это примерно то, что ждет и нас через долгие века?

– Вполне возможно, – согласилась Милена, откидываясь на мягкую спинку и вспоминая, что примерно такой же вопрос задавал ей Хорт, стоя с ней на крепостной стене в Ольховинке. – Но мы не совсем ваше будущее. Это лишь одна из вариаций развития прогресса и общества. Мы прошли этот путь по-своему, с упущениями и катастрофами. И столько же впереди, как это ни печально. Но поскольку связь миров никоим образом не перекрыть, вы можете взять из нашего опыта все самое лучшее. И научиться на наших ошибках.

– Я понимаю, – задумчиво произнес Нандис. – Лучшее не предполагает рабовладение, ведь так?

– Верно, – твердо кивнула Милена, замечая в парламентарии более уверенный и осмысленный проблеск согласия. – Мы проходили этапы владения людьми неоднократно и в разные

эпохи, вплоть до позапрошлого века. Но они тупиковые, неправильные, ведущие лишь к разрушению общества. То, что предлагал долгие годы Терсонис – наемный оплачиваемый труд, – сможет оградить Калитос от многих ошибок. От лишних войн с соседями, смертей совершенно невинных людей, голода, кровавых мятежей и долгих, беспокойных веков не лучшей жизни. Конечно, деление людей на сословия, где одни неоправданно богаты, а другие голодают в хижинах без куска хлеба, тоже не приведет к миру и согласию. Но начните хотя бы с понимания, что человеческая жизнь – это не предмет, которым можно владеть и распоряжаться. Каждый ваш самый презренный раб, что в данный момент трудится на лесопилке или каменоломне, он такой же, как я или вы. Он тоже умеет радоваться солнцу, улыбаться родным, протягивать руку помощи, бояться боли и смерти, любить сладкие финики и гореть в лихорадке по осени. А еще они умеют хорошо и усердно работать, если будут получать за это достойное отношение и оплату. И не станут мечтать перерезать горло хозяину и устроить бунт. Как тогда, с вашим отцом.

Юсталис заметно побледнел от этого упоминания и беспомощно вскинул на нее чуть печальные карие глаза, явно тяготясь неприятным поворотом беседы.

– Мне искренне жаль, – пробормотал он, неосознанно вцепляясь пальцами в пуговицу летнего камзола. – Я был юн тогда и не так часто появлялся в имении. Я учился законодательству в соседнем городе и приезжал навестить родителей исключительно в период перерывов в обучении. Я... припоминаю разговоры о том бунте. И я немного слышал о сеньоре Стайдере, когда он был рабом Антом. Кто ж не знал о плененном генерале вражеской сареймянской армии... Владеть им считалось престижным делом. А еще престижнее показывать другим господам, что, будь ты хоть генералом, в плену ты станешь подчиняться хозяину будто побитый пес. И мой отец, Иантис... Он любил беспрекословное подчинение ото всех. Наверное, именно это и побудило ту группу сареймянских невольников попытаться бежать. Когда жандармерия подавила восстание, отец жестоко расправился с мятежниками. Неоправданно жестоко. Они умирали несколько дней. Я никогда не поддерживал его методы, но что я мог поделать? Иантиса Нандиса боялись абсолютно все в Аскалитании! В том числе и я... И теперь я несказанно рад, что сеньор Стайдера сумел тогда скрыться. И выжил. Я бы никогда не подумал, что встречу с бывшим рабом отца спустя столько лет, ведь все считали его бежавшим и погибшим в лесах страны. А оказывается, наш же собственный подземный ход спас его и привел в ваш мир. В прошедшие дни нам много пришлось общаться с Анталаем. И это честь для меня знать его вот таким. Достойным быть генералом любого войска, пусть нынче он уже степенный господин.

Милена слабо улыбнулась, искренне тронутая теплыми словами в адрес своего руководителя, который, конечно же, их заслуживал! И был очень мудрым и опытным человеком. Именно поэтому девушка и не стала перечить ему и с тяжелым сердцем пообещала вернуться в Ольховинку. То, что об этом попросил Хорт, явилось для нее откровением. Но в этом и был весь он: единственный метод, каким он в состоянии сейчас позаботиться о Милене, это заставить ее отправиться домой. Туда, где ее не смогут ни похитить, ни убить. И эта мысль невольно грела и будоражила опечаленное сердце. Снова они расставались, толком не поговорив после минувших трудных дней. Увидятся ли они еще когда-то?..

– А для меня честь работать с Анталаем, – наконец, ответила Милена и увидела согласный кивок Юсталиса. – Он и как начальник в моем мире очень грамотный, опытный и умный человек. И вот таких людей калитосцы берут в плен и секут плетьюми.

– Мне нечего возразить вам, сеньора Милена, – виновато развел руками Нандис. – Вы тысячу раз правы. Мой стыд усугубляет и то, что я сам стал хозяином сына Анталая и владел им как рабом целых два года. Но поверьте, тогда я придерживался иных взглядов, кои со временем кардинально пересмотрел. И я постараюсь сделать все, что в моих силах, дабы сотрудничество наших миров прошло как можно более дружелюбно.

Повозка миновала восточные проездные ворота Аскалитании и заехала в бедняцкий район, теснившийся за крепостными стенами у взгорий. Единственная относительно широкая здесь улица неровно вилась среди прилепленных друг к другу бревенчатых лачуг в пару этажей, не окрашенных и посеревших от времени и южного солнца. Нижние оконца по местной традиции располагались почти под потолком, не позволяя пешим зевакам увидеть то, что столь тщательно скрывали за ними хозяева: убогую простоту своих жилищ и скромную частную жизнь. Черепичные терракотовые крыши города сменились иссохшими соломенными, ухоженные палисадники с кустистыми гортензиями – протоптанными пыльными тропками между хижинами, раскидистые пинии и платаны – хилыми орешниками и диковатой алычой. А к вездесущему запаху гари и конского навоза прибавился явственный душок скотных дворов, спрятанных за домами.

Сеньор Нандис точно не являлся частым посетителем окраин, ибо вымученно скривился и отвернулся от окна повозки. Милена лишь усмехнулась и вздохнула: выдай в руки беднякам Аскалитании примитивные смартфоны, расставь по улице несколько выдавших капремонт стареньких авто, и этот квартал мало чем будет отличаться от какой-нибудь глухой деревеньки в родной глубинке. Где люди питались тем, что успели вырастить на своей земле, и не знали иных забот кроме того, чем прокормить скотину, как уничтожить сжирающую все тлю и где повыгоднее продать мясо молочных поросят. Ни подобным соотечественникам Милены, ни этим беднякам Калитоса нет дела ни до рабства, ни до военной диктатуры жандармерии, ни до козней первого советника по внешней политике Продио Балиди. И первому, кто задаст им вопрос вроде «Что вы думаете про легитимность действий сенаторов?», они молча всучат в руки вилы с косами и палкой погонят в поля. И будут правы.

Повозка проехала окраину города и остановилась на выжженной под солнцем до сена полянке близ изломанных кустов густой ежевики. Милена спустилась на землю вслед за Юсталисом и осмотрелась по сторонам, с удивлением обнаружив вокруг себя целую толпу скромно одетых в штаны да рубахи старцев, более молодых мужчин с тканевыми саквояжами и женщин в грубых платьях, караулящих массивные корзины с кухонной утварью. Тут же ждало шесть открытых телег, запряженных тягачами и груженых разномастными холщовыми мешками, тряпичными свертками и лубяными сундуками с провизией, собранной к утру для отправки на восток. А чуть в стороне обособленно топтались в сухой пыли человек тридцать одетых по дорожному рабов с котомками за плечами. Видимо, это те добровольцы, что рискнули поехать на тушение пожаров вместе с остальными. Милена невесело усмехнулась: не густо! Вот вам и вся инициатива столичной знати, не готовой сражаться с огнем за собственное будущее!

Им навстречу выступил единственный человек, которого Милена признала сразу: лекарь Жемадис. Все такой же худощавый, лысый, упакованный в длинную накидку на манер простого плаща поверх обычного дорожного костюма. Он учтиво поклонился перед господами и поднял руку, указывая на собравшихся.

– Доброго вам рассвета, сеньоры! Как мы и условились вчера, тут собрались те, кто готов ехать навстречу восходящему солнцу и лечить каждого, кто пострадает от огня. Я и мои коллеги лекари – сделаем все необходимое для облегчения травм в отряде. А эти женщины согласились готовить пищу нуждающимся в пропитании. Сеньор Химентис озаботился вопросом дополнительного провианта и выделил вот эти запасы продуктов в довесок ко вчерашним. Шутка ли прокормить стольких человек... На отдельной телеге – чужеземные снадобья, как вы и распорядились давеча. Ну и вон те рабы – пойдут в подмогу на всякие работы: наколоть дров, разбить лагерь, дотащить поклажу и при надобности подключиться к тушению огня.

Только сейчас Милена зацепилась взглядом за одну из женщин и узнала в ней кухарку Церсению. Вот неожиданная встреча! Та почтительно улыбнулась своей госпоже и склонила голову в приветствии. Что ж, похвальная инициатива. Пусть едет, помогает смелым мужчинам. Церсения отлично готовила, можно не переживать за рацион отряда.

– Отлично, лекарь Жемадис! – оживился Нандис, оглядывая разношерстный обоз. – Уверен, жители окрестных поселений не откажут вам в помощи при надобности. Готовы ли вы отправляться в путь?

– Да, господин, – ответил за всех лекарь. – Мы пообещали народу и сеньоре Милене помочь тем рабам... тем людям, которые согласились бороться с гневом низших демонов. И мы полностью собраны.

– Благодарю вас, – вступила в беседу Милена, понимая, что многие ждали именно ее слов. – Каждого из вас я лично благодарю за то, что не побоялись ни огня, ни возможных трудностей и лишений. И помните: те, кого вам предстоит лечить и кормить в ближайшие дни или даже недели, больше не рабы. Они свободные люди, сделавшие свой выбор так же, как и вы. И они не представляют опасности, несмотря на то, что все они были бойцовыми рабами, которых вы привыкли видеть на ристалище «Элиниос» с мечами в руках. Вся главная опасность заключена сейчас исключительно в пожаре и в недоверии друг другу. Только сплотившись вместе, мы сможем спасти Калитос. Отправляйтесь и берегите себя и друг друга!

Лекари одобрительно закивали, а женщины засуетились, поднимая с земли тяжелую поклажу и готовясь разместиться по телегам. Церсения первой шагнула к Милене и несмело поклонилась.

– Госпожа, вы же не будете против моего участия? Сеньор Рохос еще вчера наказал нам покинуть имение, поскольку туда ворвались жандармы. Мы попрятались по родне из города, боялись сунуть нос обратно. Да и не знали, что теперь делать. Господин-то отбыл, вы тоже не отдавали иных распоряжений. Вот я и решила, что пригожусь там больше.

– Конечно, Церсения, о чем речь! – заверила Милена, тепло сжимая ее пухлые, натруженные ладони. – Если ты не боишься долгого пути и предстоящих тягот, поступай, как считаешь правильным.

– Спасибо, госпожа! Я так боялась, что вы не позволите. Да поберегут вас высшие боги Деоса!..

Кухарка хотела прибавить что-то еще, но внезапно со стороны окраины города послышался яростный топот копыт по пыльной дороге и громкий окрик одетого в военный мундир всадника:

– Именем закона, всем оставаться на местах!

Милена напряжено застыла, предчувствуя беду. Это вчера здесь находился Терсонис, это вчера на их стороне было три с половиной сотни отменных бойцов с оружием в крепких руках. А сейчас... тут сгрудились престарелые знахари с пучками трав да простыестряпухи с корзинками. Кучку бывших рабов не стоит брать в расчет, они на рожон перед жандармами не полезут! И лишь парламентарий Нандис и пара его стражников могли хоть как-то защитить их от гневно настроенных солдат. Но не успела девушка сообразить, что делать дальше, как услышала собственное имя.

– Мы ищем сеньору Рохос! Сеньор Нандис, извольте ответить на некоторые вопросы!

Стоящая рядом Церсения вполношенно ахнула и в тот же миг сдернула с себя дорожную накидку с глубоким капюшоном, какие здесь носили на улицах женщины низшего сословия. И напялила на плечи Милены. Та поняла ее без слов и поскорее закуталась в спасительную ткань, чтобы максимально скрыть лицо. Какое счастье, что сегодняшний наряд изначально не отличался изысками, ведь девушка собиралась покинуть Калитос уже через полчаса! От Юсталиса не укрылась эта уловка, и он тут же вышел вперед, привлекая внимание прибывшего отряда жандармов к себе.

– Я вас слушаю, господа военные, – лаконично произнес он, вставая в неожиданно уверенную позу.

Жандармов оказалось человек пять, и никого из них Милена не видела раньше. Главный в их ретивом отряде покругил на разгоряченном коне по утоптанной полянке и остановился перед Нандисом, соскакивая на землю.

– По приказу начальника военных Вазориса Димилиди мы разыскиваем сеньору Рохос для срочной беседы в жандармерии. По последним сведениям, она гостила в вашем имении. Помогите нам ее найти.

– Сеньора Рохос? – весьма натурально удивился Нандис, поправляя на себе дорожный сюртук. – Я действительно пригласил ее вчера в мою скромную усадьбу, поскольку ее супруг отбыл на восток и поручил позаботиться о ней. И ежели я не ошибаюсь, она не собиралась покидать имение до моего возвращения.

– Вот как? – прищурился жандарм. – Значит, ее намерения поменялись, ибо в вашем имении ее уже нет. Не подскажите, куда она могла направиться?

– Признаюсь, не имею представления, – растерянно пожал плечами Нандис. – Возможно, она вернулась к себе домой? Хотя она так расстроилась из-за отъезда мужа и всех перипетий в городе...

Милена в напряжении замерла. Абсолютно все здесь присутствующие кроме жандармов отлично знали, кто она такая. И любой из них мог без зазрения совести указать на нее пальцем и получить большое спасибо от местных вояк. Ведь перед ними стояли стражи порядка, и простому люду невдомек, какие грязные политические игры ведутся прямо перед их носом. Это Милена прекрасно понимала, что озвученная «срочная беседа» на самом деле означала ее арест. Как пить дать! Если до сих пор ее с Терсонисом вежливо приглашали дать показания, потом уже настоятельно звали на особое дознание, то теперь с ней и вовсе церемониться не станут. И она догадывалась, кто являлся инициатором этого распоряжения. Сеньор Балиди! Еще бы! Разве он оставит опасного свидетеля в ее лице в покое, особенно когда ее, по сути, даже некому защитить? Милена застыла в напряженной позе, готовая к самообороне и восхваляя Анталая за столь нужный подарок, оттягивающий карман ее платья. Шокер теперь всегда находился под рукой. Жандармов ей не одолеть, но она все равно будет сражаться до последнего! Как и в прошлый раз.

Однако люди молчали. Никто из присутствующих не шелохнулся и не посмотрел в ее сторону, понимая, что тем самым выдаст ее. Господи, неужто простые горожане реально за нее? Жандарм тоже не торопился с решением и принялся медленно обходить собравшихся и пристально осматривать телеги со снадью. Милена сильнее опустила голову, пряча лицо под тенью капюшона. Только бы они не засекли ее! Подставлять остальных решительно не хотелось!

– Что это за обоз, и куда собрались все эти люди? – наконец, спросил жандарм, нахмутив черные брови.

– Распоряжение сенатора Химентиса, – охотно отозвался Нандис. – Они отбывают на восток помогать в борьбе с пожарами. Граждане Аскалитании крайне сознательны и неукоснительно выполняют свой долг перед страной.

Жандарм хмыкнул и остановился недалеко от Милены, все еще не обращая на нее взора.

– В таком случае, пусть едут. А мой отряд сопровождает вас до имения. Мне нужно поскорее разыскать сеньору Рохос. Сеньор Нандис, прошу вас.

И его рука, затянутая в строгий рукав мундира, настойчиво указала на повозку, давая понять, что это был приказ.

Юсталис принял условия и вежливо кивнул, да и выбора у него не осталось. Не обращившись и ничем не обнаруживая присутствие Милены, он дал напутствие лекарю Жемадису и послушно залез в повозку. Церсения же потянула девушку за руку, увлекая ее к телегам так, что обе они быстро слились с группой кухарок, загружающих узлы и корзины.

Черт! У Милены тоже с вариантами побега было не густо! Бежать-то попросту некуда. В Аскалитании ее всюду будут выискивать жандармы, и ей никак не пробраться к переходам

в свой мир! Имение Терсониса давно оцеплено, теперь и к Нандису заявится целый отряд! Если бы только они разминулись с военными на каких-то полчаса! Хотя как знать? Вероятно, у имения парламентария давно стояли соглядатаи, ведущие жадными носами, и она угодила бы напрямик к ним в сети. И лишь среди бедняков, едущих на восток, ее искать никто не станет. Что ж... значит, и ей придется следовать за ними. Туда, где находился сейчас Хорт.

Милена поспешно затесалась в угол телеги, зажата между Церсенией и какой-то тучной женщиной, и приготовилась к долгой и изнурительной дороге на мешках с крупой и чечевицей под палящим солнцем. Но лучше так, чем попасться в руки жандармам и отправиться в тюремные подземелья. Потому что вызволять ее оттуда было попросту некому.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 2. Лагерь

Путь по пустынным дорогам Калитоса среди иссыхающих пашен, изломанных холмов, а потом и высоких густых лесов, перемежающихся вкраплениями вздыбленных валунов и низких скал, продлился почти до предзакатных часов, измотав людей до последней капли. Нагруженные телеги хоть и были запряжены крепкими тягачами, но продвигались медленно. Животные то и дело изнуренно клонили головы к земле от назойливой гари, и обоз останавливался для отдыха и питья. Сидеть в неудобной позе среди мешков и сундуков оказалось той еще пыткой, и Милена не знала точно, чего хочет больше: шагать пешком или лежать пластом. Только бы не трястись и дальше в скрюченном положении без возможности вытянуть ноги или размять спину. Да и локоть под конец пути налился отеком и болью и требовал обработки и смены повязки.

Но самым серьезным испытанием стал тяжелый, едкий смог, который уже не витал навязчивой горечью, как в столице, а окутывал каждый сантиметр пространства непроглядной мутью, наполненной острым запахом дыма, гари и разложения. Небо окончательно погрязло в серовато-ржавой пелене, хоть и оставалось безоблачным, ибо пылающий диск солнца неустанно жарил сквозь смог. Люди ехали молча и предпочитали не тратить силы на пустую болтовню. Видимо, всех охватил священный трепет перед лицом все более явственно проступающих очертаний грозной стихии. Она оказалась беспощадна ко всему живому на поверхности Земли. Чем ближе они продвигались к пожарам, тем тише и утрашающе становился пейзаж. Ни вскриков или щебета птиц, ни жужжания вездесущих мух, ни скрипа цикад. Они либо затаились в укромных щелях, либо попросту убрались прочь от горящей природы. И как после этого не поверить в гнев низших демонов или Духа мироздания? Конечно, люди верили, и Милена замечала, как время от времени шевелятся безмолвно губы в потаенной молитве.

Ближе к мутным сумеркам обоз, следуя оставленным для него ориентирам, наконец, достиг недавно брошенной деревни в две кривые улицы, на которых простые беленые дома стояли темными и мертвыми коробками на фоне грязно-огненного неба. И лишь на самом краю поселения бурлила пришлая жизнь. Прямо на чьей-то высушенной пашне раскинулись походные шатры из неокрашенной ткани, натянутые меж вбитых в землю кольев. В ближайших постройках, похожих на длинные хозяйственные амбары, ворота были распахнуты, и в глубине виднелись отдыхающие на привязи лошади. Тут же на невзрачной лужайке горело несколько больших костров, сновали укутанные в закрывающую все тело одежду мужчины, неустанно крутилась ручка деревянного колодца. Рядом вереницей стояли пустые жестяные ведра, а полные тотчас же передавались по крепким, перепачканным сажей рукам и выплескивались в массивные деревянные бочки на ждущей телеге. Судя по развороченной колее, она каталась от колодца до места работ не одну сотню раз. За раскрытыми от духоты полами шатров Милена увидела лежащих вповалку мужчин. Видимо, трудились они здесь сменами.

Обоз остановился поодаль, чтобы никому не мешать, и девушка с измученным стоном прыгнула на землю. Наконец-то добрались! По ощущениям, они умотали на край света, а ведь по сути столицу и линию огня разделяло каких-то жалких двести километров, если верить картам. Милена заозиралась в поисках Терсониса или Хорта, но к ним подошел незнакомый ей октанец. Жемадис кратко уведомил его о том, что прибыло подкрепление из лекарей и стряпух вместе с провиантом, и бывший раб махнул рукой в сторону некогда жилого дома – вполне просторного для ночлега пары десятков человек. Судя по всему, как минимум женский состав их отряда спать будет под крышей. Ну, это в разы приятнее, чем ютиться под открытым небом на пучке сена вместо подушки.

Но до сна ли теперь будет? Милена понимала, что сейчас и от нее потребуется посильная помощь, коль скоро волею судьбы (и проклятых жандармов!) она очутилась вместе с осталь-

ными в горящем крае. Пока войны рисковали жизнями рядом с полыхающими лесами, кто-то должен был позаботиться об их пропитании и медицинской помощи. И если вопросы провизии тревоги у нее не вызывали, то вот ящики с современными лекарствами, похоже, отойдут под ее ответственность. Изначально она планировала как-нибудь втолковать Жемадису, как именно нужно пользоваться противоожоговыми гелями, какие таблетки следует давать от сильной боли или жара, и даже рискнула бы объяснить принцип действия уколов и обращения со шприцами. Но обстоятельства не дали ей перейти к подобным инструкциям этим утром. И кроме нее никто и не знал, что реально покоилось в странных коробах из цветной плотной бумаги и что вообще с этим делать. Если только среди знахарей не найдется хоть кто-то, кому сеньор Нандис уже успел продать чудо-снадобья из Лжемирья.

Последующий час ушел на перетаскивание привезенного провианта под навес сарая, а все доставленные медикаменты укрыли в кладовке выделенного им дома. Этим занялись прибывшие с ними рабы, которым поручили делать всякую тяжелую работу непосредственно в лагере. Судя по их внешности и говору, они являлись коренными калитоссцами, некогда угодившими в рабство кто по бедности, кто из-за проступков. Эти мужчины, однако, не вели себя вызывающе по отношению к иноземным невольникам и послушно принялись наполнять бочки водой из колодца, колоть дрова, разгружать курсирующие туда-сюда телеги. Лекари, по-быстрому перекусив остатками лепешек, имевшихся в лагере, начали обходить отдыхавшую смену и смазывать пахучими мазями первые ожоги и ссадины. А женщины поторопились к кострам, споро водружая над ними самые большие котлы, найденные в деревне, закидывая в кипящую воду привезенную крупу и овощи и замешивая тесто для свежих лепешек. По окраине поселения растекся невообразимый аромат вкусной еды и едких снадобий, заставлявший воинов нервно оглядываться и принохиваться. Хотя бы сегодня всех ждет пусть поздний, но сытный ужин и медицинская помощь.

Милена же чувствовала себя крайне неудобно. В отличие от собравшихся в дальнюю дорогу кухарок, у нее с собой не было вообще ничего, кроме тряпичной котомки со свитком инструкций для лекарей да шокера в кармане платья. Все ее личные вещи остались лежать в левом флигеле у Юсталиса Нандиса, сложенные для возвращения в Ольховинку. Даже трусов сменных с собой не оказалось! Что уж говорить о зубной щетке, расческе и пижаме. Одно единственное простецкое платье, кожаные сандалии да косынка на голове, которую она практически сразу повязала на манер местных сельчанок под затылком, пряча под нее волосы, чтобы не мешались. Вот и прокатилась на восток чужого мира...

Первым делом Милена прошла в кладовку и тщательно изучила ассортимент лекарств, подобранных Анталаем для этого похода. Черт, взял бы лучше на работу медика, а не культуролога-конфликтолога! В который раз вопросы экстренной врачебной помощи оказывались куда важнее любых межкультурных конфликтов! Но если не паниковать и с холодным рассудком отнестись к задаче... Вот бинты, вот обезболивающие, вот гели и мази от ожогов, вот ампулы с разными препаратами для серьезных случаев. Ладно. Она справится. Милена отыскала для себя блистер с противовоспалительными таблетками и пихнула в карман платья. Это все, чем она сейчас могла помочь своему прокушенному локтю. Завтра сменит повязку и будет надеяться, что ее тут не размажет от сильного воспаления.

Девушка не заметила, как к кладовке тихой тенью просочился лекарь Жемадис. Лишь когда он вежливо кашлянул, Милена удивленно обернулась, ограждая пламя свечи в руке от дуновения воздуха из открытой двери.

– Сеньора Милена, – непонятым тоном произнес лекарь, – полагаю, нам с вами придется поговорить начистоту, поскольку уж мы оказались здесь в такой ситуации. Сеньор Нандис и господин, присутствовавший вместе с ним и не пожелавший назвать своего имени, дали мне понять, что содержимое этих странных сундуков из плотной бумаги прибыло... издалека. И оно вовсе не похоже на то, чем привыкли лечить мы. Господин парламентарий сказал, вы

поясните, как этим пользоваться, из чего я сделал вывод... Что чужеродные снадобья давно проникали в нашу страну... оттуда. Откуда родом и вы. В иной ситуации я бы избавился от опасных сундуков еще по дороге и никогда не воспользовался бы непроверенными лекарствами из запретного мира. Мои знания и честь лучшего лекаря Аскалитании не позволяют мне столь легкомысленно относиться к здоровью страждущих. Но обстоятельства нынче слишком серьезные. И я помню, как вам удалось легко и быстро излечить запущенную рану вашего раба. Посему... Я просто хочу услышать от вас, что все это, – и он бросил холодный презрительный взгляд на ряды коробок, – не навредит будущим пациентам.

Милена вздохнула: ну кто бы сомневался, что лекарь из Калитоса с опаской отнесется к химическим препаратам черт знает откуда! Она прекрасно понимала этого давно не молодого мужчину и сама вряд ли отреагировала бы иначе, всучи ей кто-нибудь в руки волшебные флакончики из будущего, способные вылечивать тяжелые болезни каким-нибудь потоком эфира. Но у них реально не было выбора. Обрабатывать травмы бывших рабов нужно максимально действенными лекарствами.

– Жемадис, я вам обещаю, – как можно более искренне ответила Милена, – никто из здесь присутствующих не пострадает ни от одного снадобья, находящегося внутри этих сундуков. Надо только принимать их по правилам. Раз уж мы говорим откровенно, то да, они из моей страны, которую в Калитосе принято презрительно называть Лжемирьем. У нас лечат совсем иначе, нежели в Калитосе. Во многих случаях – и правда куда быстрее и легче. Мы привезли сюда лишь то, что способно эффективно снимать боль, воспаление, отеки, заражения и спасать обожженную плоть. Ну, помимо бинтов для перевязки и растворов для обеззараживания. Надеюсь, вы понимаете, что у меня не может быть цели навредить этим людям, которых мы же и наняли на данную работу. Но ваши местные снадобья, отвары и методы лечения, конечно же, тоже пригодятся. Мы должны действовать сообща, и тогда всем станет чуточку легче.

Жемадис долго и въедливо вглядывался в ее лицо, замерев истуканом на пороге кладовки, но потом ожил и сухо выдал:

– Я постараюсь поверить вам, сеньора Милена. И исключительно потому, что я доверяю сеньору Рохосу. Но запомните: врачеватель здесь все же я. И как врачеватель я сейчас настаиваю – вам самой требуется перевязка!

Милена с неким облегчением улыбнулась: первый раунд прошел без жертв. Может быть, и дальше удастся скооперироваться и избежать споров? Она с охотой приняла помощь Жемадиса и позволила ему смазать рану какой-то едкой мазью и перевязать свежим бинтом. После этого лекарь коротко кивнул и удалился к своим коллегам, заканчивающим обход первых пострадавших.

Милена же поспешила присоединиться к женщинам у котла и по мере возможностей помочь с готовкой. Уж нарезать овощи и налепить лепешек, которые те пекли в печи ближайшего дома, она в состоянии! Стоило им закончить с первой партией провизии, к костру потянулись октанцы, поднявшиеся после краткого сна в свой пересменок. Разномастные миски и плошки, собранные по всей деревне, наполнились густой похлебкой, кружки – водой из колодца, и мужчины расселись прямо на земле за оливковыми деревьями, с жадностью утоляя голод. Ели они спешно, обжигаясь, но не забыли расположиться так, чтобы находиться максимально скрытыми от взоров женщин на главной лужайке. Октанцы и теперь чтит традиции и не вкушали пищу в присутствии противоположного пола.

Как знать, чем они были вынуждены тут питаться в последние сутки! И хватит ли провизии на ближайшие дни? По беглым подсчетам Милены в лагере находилась примерно половина отряда, а значит, скоро появится и вторая – уставшая и, вероятно, нуждающаяся в медпомощи. В ход пошел новый котел и очередная партия замешанного теста, крупы с овощами, сдобренные куриными тушками.

Милена всматривалась в лица, силясь найти хоть кого-то знакомого и тревожась о судьбе Хорта и напарника. И случайно заметила вдалеке остриженную макушку Шимбота, который, доев похлебку, принялся натягивать на себя плотную рубаху с длинными рукавами и обвязывать голову платком для защиты от огня и жара. Она посчитала, что отрывать его от дел сейчас не лучшее решение, но вожак вдруг сам заметил девушку, пробежав рассеянным взглядом по лужайке и остановив на ней темные раскосые глаза. Он на миг удивленно застыл, явно не ожидая увидеть в этих проклятых краях священную женщину, и, повинувшись неизвестному ей порыву, медленно двинулся к Милене, не разрывая зрительного контакта ни на секунду.

Девушка поднялась ему навстречу, с интересом гадая, что он ей теперь скажет. Октанец остановился в паре шагов от Милены, все так же прямо глядя на нее с каким-то странным ожиданием, и, к счастью, на сей раз на колени встать не стал. Он просто поклонился, прикладывая руку к груди, и настороженно произнес:

– Госпожа прибыла в неблагоприятный край и трудный час. Вы желаете лично проверить, насколько честно мы исполняем наше обещание?

Черт! Он подумал, что она им не доверяет и притащилась сюда с инспекционным рейдом? Вот идиотская ситуация!

– Нет, Шимбот, вовсе нет, – сразу откестилась Милена, рассчитывая общаться с ним впредь по-свойски. – Я здесь совершенно случайно. В Аскалитании меня преследовали жандармы, и мне пришлось отправиться с обозом на восток, чтобы меня не схватили. Я не собираюсь вмешиваться в вашу работу, я доверила ее вам. Помогите в лагере, чем смогу, раз уж я тут.

Острые черные линии тату пришли в движение на скулах, стоило Шимботу сжать недовольно челюсти, и глаза его пытливо сузились, словно он услышал нечто неприятное.

– Калитосские жандармы рано или поздно начнут искать вас и здесь, – уверенно констатировал он, будто сообщал о том, что погода нынче засушливая. – Рядом с сеньором Рохосом.

– Ну... мне больше некуда было деваться, – пожал плечами Милена, в душе надеясь, что солдафоны сюда попросту поленятся переться.

– Я скажу братьям, мы присмотрим за вами, – вновь склонил голову Шимбот. – Госпожу не тронут, пока мы рядом.

– О... – искренне удивилась Милена такому неожиданному повороту. – Спасибо... Все ли у вас хорошо? Все ли здоровы?

– Да, госпожа, – Шимбот нахмурил черные брови под повязкой, не понимая, к чему такие вопросы. – Земля гневается, но мы справимся. Мы обещали.

– Ладно, будьте аккуратны там, – напутствовала Милена. – И скажи, ты не видел случайно моего мужа? Где он?

– Слышал, сеньор объезжает соседние поселения с товарищами. Еще утром отбыли. Большого я не знаю.

Так, ладно. Значит, Терсонис уже умотал на разведку по деревням. Наверное, это хороший знак. Видимо, линия огня расположена не близко от лагеря, если есть смысл шараться по окрестностям. Может, ищут выживших, помогают им покинуть опасную зону. Или пытаются найти другие очаги возгораний.

– А Хорт? – задала волнующий ее вопрос Милена. – Гаур? Ты знаешь его? Видел? Он привел сюда отряд сареймян.

Шимбот спокойно и кратко кивнул и указал привычным для себя говорящим взмахом руки в сторону чернеющей громады подступающего к деревне леса.

– Капитан Хорт там. Где Земля стонет от огня. Куда отправлюсь сейчас и я, как только госпожа отпустит. Он с сареймянскими сородичами, копает траншеи и рубит деревья.

– Хорошо, Шимбот, благодарю за новости! Не буду тебя задерживать.

Октанец выждал еще мгновение и развернулся к своему отряду, который тотчас же засобирался на смену. Они подхватили очередные наполненные водой бочки и погрузили их

на прибывшие телеги. Стоило им тронуться в путь, на протоптанной дороге показались другие люди: устало бредущие, с заброшенными на плечи лопатами и топорами, заходящиеся в надсадном кашле и срывающие с себя обгоревшее тряпье. Их было очень много, больше сотни. Вся вереница изнуренно затекла в лагерь и повалилась вокруг шатров, не в силах дойти до колодца и напиться.

Милена заторопилась к ведру и кружкам – напоить всех, кого сможет. И поискать среди них Хорта, за которого уже начала немного беспокоиться. Ибо среди пришедших она не заметила его широкоплечей фигуры. Черт, неужели он попросту остался у линии огня? Когда же закончится, в таком случае, его смена? Вернувшаяся с тушения группа бывших рабов действительно по большей части состояла из сареймян. Пока девушка подавала кружки с водой и раздавала мужчинам горячие плоские лепешки с похлебкой, она смогла разглядеть их внимательнее. Загоревшая под южным солнцем кожа, спадающие до плеч волосы, как у Хорта, сейчас небрежно выбивающиеся из-под повязанных платков, совсем другой, более открытый разрез серых и зеленых глаз и статные высокие фигуры. Сареймяне, видя в ней не сеньору Рохос, а скромно одетую сельчанку, охотно и признательно брали из ее рук жестяные кружки, полные студеной воды, и жадно пили, роняя капли, сбегаящие по закопченной коже рук, шеи, груди. Они благодарили кто кратким «Спасибо», кто на неизвестном ей языке, кто просто кивком. И удивленно взирали на наполненные сытными порциями миски, не ожидая внезапных щедрот.

К счастью, и у этого отряда травм оказалось не очень много: с десятков содранных в кровь ладоней, пара вывихов от неудачно заваленного дерева, мелкие ожоги на тех, кто слишком близко подобрался к тлеющему пласту торфа, наивно рассудив, что раз открытый огонь далеко, то можно справиться голыми руками. Лекари во главе с Жемадисом быстро выполняли свою работу под растерянными взглядами бывших рабов, совершенно не привыкших ни к заботе, ни к врачеванию. Но от помощи они не отказывались, осознавая, что от них сейчас зависит все, и они обязаны быть в строю. Максимально долго. Пока потрошить коробки с лекарствами из Ольховинки не пришлось: ушла только упаковка с обезболивающими таблетками и пузырек с перекисью водорода. Но Милена понимала: это лишь самое начало.

Ночь окончательно опустилась на поселение, расцветенная неестественно багряным небом, которое пугало и не давало расслабиться вкупе с удушающей гарью и периодами долетающими сгустками плотного дыма. Как можно уснуть в такой близости от пожара? И хоть Милена и знала, что лагерь разбит на безопасном расстоянии, адреналин и нервозность не давали успокоиться. Сареймяне моментально отрубались, едва закончили трапезу и разбрелись кто по шатрам, кто по ближайшим домам, а кто и просто завалился на земле, подложив под голову руку или пучок сена. Лекари тоже удалились в выделенный им домик, готовые в любой момент прийти на помощь. Церсения же проследила, чтобы наготовленной еды хватило впрок для октанцев, которых ждали в лагере уже к середине ночи назад, и настоятельно попросила Милену пойти на боковую.

– Госпожа, так нельзя! – причитала она на пороге хибары. – Вы не должны были тут оказаться! Да еще и помогаете нам! С вашей-то рукой! Куда такое годится? Идите поживать, в доме нашлась отдельная комната. Я всем наказала, чтоб ее никто не занимал, там есть и кровать, и постельное белье. И я приготовила вам кувшин для умывания, гребень для волос и кое-какое исподнее переодеться. А то сорвались сюда, в чем были... Ох, пресвятые врата Поднебесья...

– Спасибо, Церсения, – вымученно улыбнулась ей Милена. – Я немного посижу на крыльце, приведу мысли в порядок и обещаю пойти спать. Не беспокойся!

Кухарка пригладила растрепанные волосы и укоризненно проворчала:

– Сеньор Рохос будет страшно недоволен всей этой историей! Скорей бы господин вернулся и смог отправить вас в надежное место, подальше от жуткого марева!

И бормоча привычные молитвы богам, Церсения скрылась в доме.

Милена посмотрела ей вслед и бездумно опустила на ступени, стягивая с головы косынку и разминая ладонями затекшие плечи. Только сейчас она вспомнила, что так ничего и не ела с самого утра. Поэтому со стоном опять поднялась на ноги и поплелась к накрытому крышкой котлу. Она пожует восхитительной похлебки и обязательно поспит. А завтра... или уже сегодня?.. все наладится.

Милене казалось, она ни за что не уснет, но, видимо, отключилась, едва упала на пахнущую грубым мылом и сыростью постель в какой-то невзрачной и темной комнатухе с крошечным пыльным оконцем. Она не чувствовала ни ног, ни рук после утомительной тряски в телеге с раннего утра и бесконечной готовки весь вечер. Зато теперь мужчины не останутся голодными. А ведь им так нужны были силы! Мазь лекаря вместе с таблетками ненадолго уняли боль в руке, и девушка смогла немного отрешиться от забот. Мысли о полыхающем пожаре в лесах стали скакать по мутным образам наблюдающих с небес калитосских богов в виде скрюченных и ехидных старцев, которые взирали на мир внизу через гигантскую лупу и посмеивались. Милене страшно хотелось запустить в эту лупу увесистым бататом, но он неустанно выskalывал из ее слабеющих пальцев. Боги ворчали, отдавали резкие военные команды, периодами сквернословили и гремели керамическими плошками с похлебкой, вереницей плывущими им в руки. И ржали как кони, испуганные зрелищем на брэнной Земле. Краем сознания Милена понимала, что это путанные и дурные сны, и пыталась проснуться. Но ничего не выходило, и она продолжала наблюдать за падающими с неба обглоданными костями, которые грызли эфемерные стариканы и с меткостью криворуких павианов швыряли вниз.

Сны отпустили внезапно, и Милена с протяжным стоном села на кровати, убирая со лба взмокшую от жары прядь русых волос. Черт! Тьма в доме царила, хоть глаз выколи! Видимо, костры в лагере затушили за ненадобностью, а сквозь плотную гарь не проникал даже свет звезд. Лишь отблески пожаров окрашивали небо в зловещий багряный цвет. Стояла глухая ночь. Милену мучала жажда, и она осторожно выбралась из кровати, не представляя, сколько людей ночевало в главной комнате и кого она разбудит своими неловкими шагами. Однако дверь комнатухи вела сразу к предбаннику, и девушка без приключений вышла наружу, оставляя позади дом, полный сонных вздохов.

В лагере почти все спали, кроме пары человек, оставленных у колодца на посту. Сареймяне ушли на смену, ибо их места пустовали, и за распахнутыми пологам шатров виднелись лежащие фигуры октанцев. Видимо, их приход и слышала во сне девушка, не имея сил пробудиться. Тогда все вставало на места и с ржанием лошадей, и с суетой вокруг похлебки. Девушка добралась до грубой и предусмотрительно наполненной бочки, рядом с которой стоял целый ряд ждущих ведер, и напилась водой из какой-то кружки. И вдруг в призрачном отблеске марева заметила удаляющуюся к окраине поселения фигуру. Она бы не среагировала – лагерь был полон незнакомых ей воинов, – но широкий разворот плеч, светлая безрукавка и такая знакомая четкая походка заставили сердце дернуться в груди. Неужто Хорт?!

Милена нервно выдохнула и пошла вслед за ним, желая убедиться, что это действительно он, и с ним все в порядке. Мужчина сразу растворился во тьме, завернув за угол одного из сараев. Чего он тут бродит в такой час? Каждый бывший раб спешил отоспаться после трапезы и берег любой миг отдыха. По нужде, что ли, отправился? Девушка на всякий случай приблизилась к хозяйственным постройкам и осмотрелась. Там располагалась самая окраина поселения. Чья-то хлипкая ограда опоясывала последний надел земли, отделяя его от заросшего высоким бурьяном луга, а прямо перед ней ютился крошечный задний двор, сплошь заваленный разобранными деревянными бочками, колесами от телег и массивными чурбанами. А от крыши сарая выступал широкий навес на подпорках, который скрывал сваленное неаккуратной грудой, давно пересушенное сено. И несмотря на обгавленную далекими пожарами тьму, Милена ясно различила на светлой соломе знакомую фигуру. Девушка сделала несколько

осторожных шагов, с усилием приглядываясь, и наконец, облегченно выдохнула. Это в самом деле был Хорт!

Он растянулся на сене в какой-то неловкой, измученной позе, закинув одну руку за голову и чуть подогнув ноги, и лежал с закрытыми глазами. Простые плотные штаны были неоднократно продраны и перемазаны землей и сажой, а безрукавка распахнута, обнажая не менее испачканную копотью волосатую грудь. Голову не покрывала повязка, и темные пряди спутанно растрепались по белеющему лбу и шее. Дышал он сипло и словно с трудом и вряд ли успел уснуть.

Милена поколебалась недолго, борясь между необходимостью дать Хорту отдохнуть и желанием удостовериться, что он не пострадал. Или она сейчас просто не в состоянии вот так развернуться и уйти? Она медленно приблизилась и, видя, что он не шевелится и никак не реагирует на хруст сухой травы под ее сандалиями, осторожно присела на солому, неотрывно глядя на него. Она приготовилась к тому, что он привычно подорвется на звук, удивится ее нахождению там, где ее не могло быть, или вообще отругает. Но Хорт почему-то в упор не замечал чужого присутствия. Неужели заснул за какие-то пару мгновений? Черт! Как же он, должно быть, измотался за прошедшие дни! Сперва плен у Амарантисов, после долгий переезд, борьба с пожарами...

Повинуясь настойчивой душевной потребности, Милена прилегла рядом с ним на бок и пристально вгляделась в его обросшее длинной щетиной лицо. Стертый след сажи на заострившейся скуле говорил о том, что он честно пытался ополоснуться, но привести себя в порядок сил не нашел. На обнаженном плече красовалась новая, почти черная ссадина, испещренная множеством рваных царапин. Видимо, ободрался о срубленное дерево. А в полах раскрытой безрукавки прямо на животе темнел уже затянувшийся, но покрывшийся уродливыми волдырями неровный ожог, опасно соседствующий с недавно начавшей заживать раной на боку. Очевидно, Хорт даже не обращался к врачам. Ну что за человек! Милена сокрушенно выдохнула, отчего он все же дернулся, мгновенно пробуждаясь и тревожно распахивая глаза.

Девушка напряглась, ожидая какую угодно реакцию, и хотела было подать голос, дабы Хорт признал ее, но тот замер, без труда различив в темноте ее силуэт и чуть приподнявшись на локте. Шумное дыхание сделалось едва заметным, пока он пробежал по ней взглядом, подбираясь и разворачиваясь в ее сторону. А потом он досадливо зашипел и откинулся обратно на сено.

– Я бы счел, что надыхался угарного дерьма, – хрипло пробормотал он, – но я почему-то не удивлен. Какой хляби ты тут делаешь? – добавил он требовательно, вновь глянув на девушку со стальным вниманием.

– И тебе доброй ночи, – невесело шепнула в ответ Милена. – Ты прав, валяться рядом с тобой на сеновале – не лучшее решение. Я сейчас уйду. Просто хотела знать, что ты жив и цел.

Хорт отчетливо закатил глаза и глухо закашлялся, отворачиваясь и злясь на свое состояние.

– Я не про сеновал, – наконец, буркнул он, отдышавшись. – Я просил отца отправить тебя домой. И надеялся, что ты в безопасности. Почему я вижу тебя здесь? На востоке Кали-тоса, морок меня ослепи?!

Хорт не казался рассерженным или раздраженным. Он произнес эти слова слишком изможденно и удрученно, и Милена вымученно улыбнулась ему, пытаясь сгладить ситуацию. Она однозначно не виновата в том, что ее занесло в горящие края.

– Жандармы устроили на меня охоту в городе, намеревались арестовать, – пояснила она кратко в очередной раз, – и я не успела добраться до перехода. Пришлось затесаться в обозе вместе с Церсенией и врачами и приехать сюда. Я не собиралась бросаться в пожарища, правда! Мне просто негде было спрятаться.

Хорт укоризненно поцокал языком и прикрыл веки, пробурчав что-то незнакомое на сареймянском. Милена уже думала, что он уснул, так долго он молчал и не шевелился, но он опять посмотрел на нее воспаленными и слезящимися от дыма глазами и шепнул:

– Будь я сеньором Рохосом, я бы раньше времени поседел. Но я всего лишь твой бывший раб, невыносимая госпожа! И у меня нет ни сил, ни права тебя отчитывать.

Милена с грустной улыбкой рискнула коснуться его горячей и загорелой ладони, которая ощутимо сжалась от этого жеста.

– Тогда давай просто поспим? А поговорим потом. Тебе нужен отдых, да и мне тоже. И можно я хотя бы сейчас не буду для тебя пресловутой госпожой? Здесь немного не те декорации, чтобы меня так называть.

Хорт задумчиво моргнул и медленно прошелся взором по ее лицу, будто он только что обратил внимание на ее внешний вид. Да уж, образ уставшей простолюдинки наверняка был говорящим... Какая уж тут госпожа! Мужская рука под ее ладонью шевельнулась и перехватила ее аккуратно и бережно, не предпринимая больше ничего.

– Это... безрассудно, – совершенно серьезно выдал он, говоря вовсе не о том, какими словами он к ней обращался.

А о том, почему Милена находилась на сеновале рядом с ним. И почему пожелала остаться. Но черт, с какой стати она должна думать о рассудке, если в данный момент единственное, что она считала верным для себя, это быть рядом с важным для нее мужчиной?!

– Это правильно, – уверенно и просто ответила она.

Хорт пространно хмыкнул, не до конца веря ее словам и разумности, но обессиленно растянулся на сене и решительно потянул ее руку на себя так, что девушка через секунду оказалась на его груди и в его неожиданно тяжелых, но осторожных объятиях. Он уткнулся носом в ее макушку и тихо выдохнул:

– Я грязный, как скотина. И ни хмари сейчас не соображаю. Но ты сама этого захотела. Спать так спать...

И он плотнее обхватил ее руками, с болезненным шипением устраиваясь поудобнее и уже через минуту проваливаясь в глубокий, беспмятный сон.

Милена закрыла глаза и поняла, что именно здесь, на колючем сене и медленно вздымающейся, перепачканной груди Хорта она сможет относительно спокойно доспать остаток ночи, не тревожась о его жизни. И расслабленно улыбнулась.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 3. Переезд в ущелье

Милена пробудилась от медленных и теплых прикосновений. Мозг не сразу сообразил, ни где она, ни что происходит, лишь отметил, как чья-то рука неспешно гладит ее по плечу. До слуха добрался осторожный шепот, но сознание отказывалось так быстро переводить чужестранные слова. Милена со вздохом пошевелилась и приоткрыла один глаз. Первое, что она увидела, было сонное, но сосредоточенное лицо Хорта, который лежал рядом с ней на пахучей копне сена и с едва различимой хитринкой в воспаленных стальных глазах смотрел на нее. Ночь закончилась, уступив место сумрачному и мутному дню, погрязшему в сгустившихся облаках, сдобренных привычным едким смогом.

– Просыпайся же, – со смешком прошептал Хорт, и Милена поняла, что именно это слово слышала от него сквозь сон. – Я бужу тебя давно. Не думал, что госпожа такая соня.

Милена досадливо покривилась и окончательно открыла глаза, оглядываясь по сторонам. Видимо, ночью она не раз ворочалась, ибо обнаружила себя уже не на груди у Хорта, а под его боком, свернувшейся калачиком и закинувшей на него одну ногу под сбившейся юбкой.

– *Вот черти*, – тихо пробормотала она, перекатываясь на спину и отстраняясь, и потеряла виски. – Который час?

– Полагаю, позднее утро, – вновь усмехнулся Хорт, продолжая за ней пристально наблюдать.

Милена только сейчас осознала, насколько нелепо прозвучал ее вопрос в диких дебрях Калитоса, где единственные доступные часы висели на затянутом пеленой небосводе и не отбрасывали на землю ни единой тени.

– Очевиднее некуда... – проворчала она, посетовав на себя за несообразительность. – Надеюсь, ты немного отдохнул?

Милена с тревогой посмотрела на Хорта, наконец, получив возможность разглядеть его при свете дня с такого волнительно близкого расстояния. Он казался изнуренным, притихшим, перепачканным копотью и с хмурыми складками меж бровей. Которые не разглаживались даже от его легких усмешек.

– В отличие от других ночей я спал, – не сдержал зевок в кулак Хорт. – Должен был уйти с отрядом еще на рассвете, но проку от меня было мало. Поэтому позволил себе передышку.

Да, однозначно прошедшие два дня он в самом деле работал без устали. Хоть ума хватило отоспаться, а не геройствовать и дальше! Ведь и правда, какой толк от смертельно уставшего человека с лопатой в руках? Да к тому же во главе отряда! Но даже сейчас Хорт все равно выглядел неважно. Слишком покрасневшими и слезящимися были его глаза, слишком хрипло он дышал, с трудом подавляя необходимость прокашляться, слишком сильно не нравился ей уродливый волдырь от ожога и чернеющая гематома на предплечье.

– Раз уж ты сам заговорил о сознательности, – настойчиво произнесла Милена, – прежде чем ты опять исчезнешь из лагеря, дай хоть обработать твои новенькие травмы. Мы привезли сюда уйму лекарств. Нельзя вот так разгуливать с ожогами.

Мужчина равнодушно фыркнул, презрительно глянув на свой живот и недовольно запахивая безрукавку.

– Твое счастье, госпожа, что с хмарьего жертвенника ты откупила меня, а не октанца, – скривил он губы, перебирая какие-то позабавившие его мысли. – Окажись я из той страны, ты бы давно влипла в неприятности с твоим настойчивым желанием меня выхаживать. И вот с этой ночью на моем плече.

Милена приподнялась на здоровом локте, чтобы лучше видеть Хорта, и с интересом изогнула брови.

– Пояснитесь-ка, капитан Стайдера?! Какие еще нетленные моральные устои вашего мира я нарушила?

Хорт с легкой улыбкой подтолкнул ее обратно на сено, давая понять, что немного времени оставалось в их распоряжении. Или он умышленно оттягивал тот момент, когда они оба снова с разбегу нырнут в опасную реальность, требующую от них сил и отдачи. И Милена впитывала в себя последние спокойные мгновения, которые можно было провести вот так, валяясь на сеновале бок о бок и испытывая от этого приятный трепет.

– Ты же знаешь уже, что для октанцев женщина – это священное существо, – наконец, ответил Хорт, неторопливо выпутывая из ее макушки засохшие травинки. – По крайней мере, тебя именно так здесь называют сей народ. С женщинами не делят ни трапезу, ни постель, ни прикосновения, пока они не входят в клан или семью через весьма сложные ритуалы. Или пока женщина сама не сделает данный выбор, став для мужчины особенной. Удумай ты своими руками лечить октанца, даже если он твой раб, ты бы грубо нарушила их традиции. А если бы от смерти взялась спасать или как-то иначе вмешиваться в земной путь октанца и менять его судьбу, ты повязала бы себя с ним нерушимыми узами долга.

– Это нечто вроде брака? – неуверенно прищурилась Милена, силясь понять суть чужой культуры по столь кратким и скудным объяснениям.

– Нет, совсем другое, – возразил Хорт и, подцепив особенно колкую соломинку, щекотно провел ею по кончику носа Милены, отчего она рефлекторно зажмурилась. – Это признание того, что ты лучше providения знаешь, с каким предназначением должно жить данному мужчине. И это согласие и готовность женщины быть для него на новом пути светом, якорем, оплотом. Он последует за ней беспрекословно, до конца, ведь она не просто отметила его среди прочих и вмешалась в его судьбу, но и будет всегда его оберегать, направлять и заботиться. Вести его к наивысшему предназначению. Октанцы зовут таких женщин – «сейна». Я не смогу тебе перевести. Ни в калитосском, ни в сареймянском языке нет равнозначного эквивалента. И это слишком большая ответственность. Посему, госпожа, поаккуратнее с желанием всем помочь и находящимися в лагере октанцами. Хотя бы не прикасайся к ним, иначе не заметишь, как перепишешь чью-то судьбу и превратишься в эту самую сейну.

– *Пресвятые угодники!* – выдохнула Милена и перехватила назойливую соломинку из рук Хорта, отбрасывая ее в сторону. – Спасибо за предупреждение. Оказывается, я тут хожу по... Рискую, короче. Надеюсь, в Калитосе нет чего-то подобного? Нам-то с тобой назад уже не отмотать. А твою судьбу я совершенно точно решительным образом переписала еще в Пантеоне...

Хорт иронично хмыкнул в ответ и присел, вытряхивая траву и из своих растрепанных волос.

– В Калитосе не принято думать о традициях невольников и тем более ухаживать за покалеченными рабами, – спокойно и бесстрастно пояснил он. – Но коли кому из господ взбредет такое в голову, это их право. Рабы – безмолвная собственность сеньоров. Вещь. Присутствующим в лагере калитосцам нет дела даже до того, зачем жена сенатора ушла на окраину деревни с бойцовым рабом Гауром на всю ночь. Что бы ни произошло, для них это забота сеньора Рохоса. Не переживай о злых сплетнях, им всем плевать.

И он протянул ей руку, помогая подняться. Милена задумчиво ухватила за крепкую ладонь, вставая на ноги следом за ним и пытаясь отряхнуть платье от трухи. Честно говоря, о пересудах вчера ночью она не думала от слова совсем. Да и что тут думать, если они практически по-братски подрыхли несколько часов, нуждаясь в отдыхе и сне? А уж тем более после всего пройденного, пережитого, испытанного. И целой недели в Ольховинке, где они вообще жили вдвоем под одной крышей. Лично ее данный расклад ничем не смущал. Только волновал кровь, но об этом Хорту знать не стоит.

– Ладно, с аморальными принципами Калитоса мне все ясно, – осторожно произнесла она, оглядывая Хорта, который принялся завязывать тесемки на безрукавке, чуть шипя

от неосторожных прикосновений к ожогу. – Но ты сареймянин. Мне следует знать что-то важное именно про тебя?

Хорт бросил на нее краткий взгляд, и Милена почувствовала, что он все понял. Ведь она действительно имела в виду не банальные перевязки травмированного раба, вытащенного с жертвенного алтаря Пантеона, и не ночевку с ним на задворках брошенной жителями деревни. А то, как он в принципе воспринимал их взаимоотношения. Поскольку они давным-давно вышли за рамки госпожи и ее невольника, иномирской девушки и плененного воина. И она действительно не имела представления, как на подобные нюансы смотрели сареймяне. Может, в их культуре не пристало барышням по-свойски общаться с прирожденными воинами? Или дома у себя селить на целую неделю? Или болтать о пустяках, если ты не из его сословия? Или вообще – симпатию и участие проявлять, когда тебя не спрашивали...

Хорт с легкой горечью усмехнулся и, шагнув к девушке, неспешно провел ладонью по ее голове, вплетая пальцы в волосы и оглаживая их до самых плеч. В глазах мелькнула мутная дымка, и они вновь сделались стальными и отрешенными.

– Я все еще не свободен, – глухо выдал он, и густые брови сурово изогнулись. – И хоть я без ошейника, я себе пока не принадлежу. Никто, кроме тебя, и не спросит, что вообще важно для сареймянина. Но... – он кратко выдохнул и бережно сжал плечи девушки обеими руками. – Но говори ты сейчас с Хортом Стайдерой из Исслея, он был бы знатным кретином, потому что позволил тебе вчера уснуть в его руках, тогда как сам не может ни исполнить свой долг, ни вообще что-либо тебе предложить. И я это ни на секунду не забываю. И не в праве даже просить за такое прощение.

– А разве надо?! – невольно вырвалось у Милены, которая не поспевала за его мыслью и рефлекторно среагировала на последние слова, не успев обдумать все сказанное в целом.

Хорт ссутулился и с шумным фырчаньем отстранился от девушки, глядя ей в лицо прямо и удрученно.

– Помнить свое место – вот что мне надо, – серьезно заключил он. – Но не со всеми слабостями я способен справиться. В Сарейме мне за подобные вольности влетело бы.

Хорт расправил плечи, показывая тем самым, что разговор окончен, и мягко подтолкнул Милену к тропке между хозяйственными постройками.

– погоди, а о каком долге ты говоришь? Я что-то сделала не так? К чему-то тебя обязала? Что у вас за традиции? Я должна знать!

Но Хорт молча вывел ее из-под навеса и настойчиво увлек в сторону лагеря. И лишь когда они приблизились к разбитым шатрам, снова полным уставших и спящих мужчин, вернувшихся с ночной смены, он на миг приостановился и пробормотал, глядя на нее с тихой печалью:

– Ты все делаешь так, милая Милена. Это я не в силах ответить тебе достойно.

И не дожидаясь никакой реакции от девушки, Хорт развернулся и решительно зашагал в сторону колодца, где собралось несколько сареймян из его отряда.

Совершенно сбита с толку и расстроенная Милена проводила его растерянным взглядом и сжала зубы. Потом. Они все прояснят потом. Обязательно. Сейчас пора начинать очередной нелегкий день.

Она кое-как умылась из жестяного таза, поставленного для женщин в одном из дворов, и привела себя в относительный порядок, сменив привычное ольховинское белье на калитосское исподнее и расчесав гребнем волосы. Когда она вернулась к главным кострам, собираясь чего-нибудь перекусить и приняться за очередную готовку вместе с Церсенией и другими стряпухами, то крайне удивилась, обнаружив там же и Хорта. Она думала, он испарится из лагеря подобно беспокойному стрижу. Но нет. Он умял хорошую порцию похлебки, усевшись поодаль, ополоснулся из ведра за наспех сооруженной для этого загородкой, смывая с себя вчерашнюю копоть и грязь, и даже позволил самому молодому и бойкому лекарю Вастесу

обработать снадобьями ожог и ссадины. После чего переоделся в целые штаны, плотную рубаху с длинным рукавом и повязал на голову платок. И лишь когда на краю поселения послышался топот копыт да скрип груженых телег, Милена поняла, чего выжидал Хорт. В лагерь вернулся с небольшим отрядом Терсонис.

Девушка собиралась подойти и лично объяснить напарнику, как же получилось, что она не сидела сейчас в своей милой квартирке в Ольховинке или хотя бы в его имении, а порхала с ножом над куриными окорочками на востоке Калитоса. Но Хорт опередил ее и первым перехватил соскочившего с лошади сенатора. Милена обтерла перепачканные руки о выданный ей старенький передник и направилась к мужчинам, еще не разбирая их диалога. Хорт спокойно и кратко что-то объяснил Терсонису, кивнув в сторону девушки, и на лице напарника мелькнуло замешательство и растерянность. Ну вот так, мальчики, не все всегда складывается по идеальному сценарию! Однако Терсонис быстро взял себя в руки и принялся что-то втолковывать Хорту, однозначно касающееся их разведывательной вылазки. Милена услышала тревожные фразы «В верхних деревнях колодцы окончательно пересохли», «Нам не удалось спасти их имущество, хорошо хоть люди успели уйти», «Вдоль русла выгорело дотла, но огонь остановился», «Сегодня докопаем до обрыва ров, наступает решающий момент».

Девушка приблизилась к мужчинам, и те почти сразу прервали беседу.

– Проклятые боги Поднебесья, Милена! – с укоризной воскликнул не менее измотанный и впервые одетый в простую и весьма грязную дорожную одежду сенатор. – Как ты вообще умудряешься оказываться в самых неподходящих для тебя местах?!

– *Наша служба опасна и трудна...* – на автомате пробурчала Милена на русском слова знакомой с детства песни из старого советского фильма, замечая разорванное стрелой и отекавшее ухо напарника.

– Прости? – напрягся Терсонис, ожидаемо ничего не поняв.

– Да не важно, – отмахнулась Милена. – Думаю, Хорт уже все тебе объяснил. Мне было негде спрятаться от искавших меня жандармов. А под арест ни капли не хотелось. В тюрьме холодно и сыро. Но раз я тут... Может, введете в курс дела? Думаю, я смогу быть полезной не только в стряпне. Никогда не любила готовить.

Терсонис, совершенно не обрадованный присутствием напарницы в полыхающем крае, сдержанно кивнул и неосознанным жестом попытался пригладить назад кое-как расчесанные, но порядком перепачканные волосы.

– В округе обстановка неважная, – уныло доложил он. – Мы весь вчерашний день с моими товарищами объезжали территорию. Многие сельчане бежали на запад, бросив все хозяйство и скотину. Какие-то деревни выгорели полностью, и мы нашли трупы. Как животных, так и людей. Но есть и хорошие новости. Пожар уперся в глубокое русло пока не высохшей реки и дальше не пошел. На большей части северной территории огонь стихает, догорают леса, и есть шанс, что скоро все успокоится. Там скалистая местность, и пламени трудно пробираться вперед. Под угрозой остается вот этот обширный сосновый бор.

– Если мы успеем дорубить к вечеру просеку, – серьезно отозвался Хорт, завязывая покрепче тесемки на ворота рубахи, – верховой пожар мы остановим. Со стороны реки огонь уже иссяк, а с юга – тоже сплошные скалы, там нечему гореть, камень отлично нам подсобит. Благодаря ландшафту, стихия загнала себя в узкое горлышко бора. Проблемы две.

– Говори, – подобрался Терсонис, прислушиваясь теперь к Хорту, как к стратегу и воину, а не бойцовому рабу.

– Мы должны успеть отрезать горящий лес на самой короткой перемычке между руслом и скалами. Упустим – и он вырвется на западные пашни. Там мы будем бессильны. Нам попросту не хватит ни рук, ни времени, хоть всех рабов сюда сгоните. Да и воды тоже не достать. И второе... – Хорт на мгновение замолчал, глянув на Милену с сомнением. – Госпожа говорила про горящий под землей торф. Когда мы начали рыть ров, то обнаружили, что его залежи

очень глубоки. Нам не удастся снять весь пласт торфа и лишить огня подпитки. Придется заливать тот раствор из белого порошка. Но... я не знаком с таким веществом... Не знаю, как оно действует.

По Хорту было видно, что сей факт выбивает его из колеи. Привыкший к понятной и очевидной для их мира войне с мечом да луком в руках, он с недоверием относился к чужеродным и незнакомым для него химикатам, которых на текущем этапе развития цивилизации они пока не создали. Еще бы! Обычная вода бессильна перед разбушевавшимся подземным пожаром, но вода, куда засыпали странные белые гранулы, превращалась в чудодейственное средство! Тут впору в происки демонов поверить! И заодно записать Милену в какие-нибудь ведьмы.

– Признаюсь честно, – развела руками девушка, – я и обычные-то пожары раньше не тушила, тем более торфяные с помощью этого порошка. Но если мы все сделаем по расписанной мною схеме, то *сульфат аммония* должен помочь. Он не уничтожит огонь полностью, но затушит глубинные очаги, куда не доберутся лопаты. Это единственное, что сейчас в наших силах.

– Хорошо, так и поступим, – кивнул Хорт и, вытащив из кармана свежих и не прожженных штанов второй платок, повязал его на шею, чтобы закрыть в дальнейшем им и нос. – Я присоединюсь к остальным у рва. Отдохнул и доволен. Сеньор Рохос, мой вам совет: переносите лагерь выше на скалы. Огонь подступает. Очень скоро он доберется до наших траншей. Что будет дальше, я не знаю. Тут станет небезопасно. Лучше не оставаться в деревне.

– Да, я переговорю с Шимботом, он поможет вместе с октанцами, – по-деловому согласился напарник, закатывая рукава незатейливого укороченного камзола. – Придется всем спать под открытым небом. Среди скал сложно будет разбить шатры.

– Лучше отлежать бока на камнях, чем сгореть заживо в деревенских домах, – скептически выдал Хорт и, повернувшись к Милене, добавил: – Слушайся сеньора Рохоса, госпожа.

И размашистым шагом заторопился к ближайшим телегам, чтобы подхватить из сваленного грудой инвентаря грубую лопату и удалиться прочь из лагеря по свежевытопанной множеством мужских ног тропе. Милену против воли прикусила губу, мысленно удивляясь тому, как непривычно прозвучала его последняя фраза, обращенная к ней. Требовательно, по-свойски, будто девушка находилась в подчинении у него в отряде, служанкой при капитане, и он никогда не стоял перед ней на коленях, обреченно склонив голову и ожидая наказания за неприкрытую дерзость. Но теплая волна, прокатившаяся по душе, заставила Милену слегка улыбнуться: именно так Хорт пытался оградить ее от неприятностей. Как мог. В очередной раз. И ей бесконечно нравились в нем те перемены, которые потихоньку расцветивали яркими красками его характер, сущность, личность, по шажочкам вытаскивая из старой и загрубелой гаурьей шкуры настоящего Хортинай Стайдера, прирожденного воина из Сарейма, постепенно оставляя в пройденном прошлом того озлобленного, ощеренного и отчаявшегося раба Гаура, едва не перешедшего последнюю черту своего брэнного существования на жертвенном алтаре пленившего его государства.

– Милену, а почему Хорт так сказал? – внезапно строго произнес Терсонис, кинув на напарницу недоверчивый взгляд. – Почему я должен следить за твоим послушанием? Что ты удумала?

Милену с нескрываемым смешком закатила глаза и вскинула руку в протестующем жесте.

– Даже не начинай, дорогой *напарник*. Иди лучше вымойся и поешь. Зря я, что ли, со вчерашнего вечера батрачу здесь в поварихах? А после я заклею твое ухо специальной повязкой. А то станешь *Чебурашкой*.

– Надеюсь, это было приличное слово, – буркнул Терсонис, удаляясь к помывочной загородке.

До полудня царило спокойствие. Женщины наготовили новые котлы сытной похлебки, напекли упругие лепешки и разгребли припасы, собранные по опустевшим окрестностям отря-

дом Терсониса. Ибо прокормить четыре сотни людей, три с половиной из которых – это работающие на пределе сил мужчины, – оказалось непросто. Захваченных мешков с продуктами могло не хватить уже через пару дней. И никто не знал, сколько еще предстоит бороться с ненасытным огнем. Неделю? Месяц? Смогут ли они его пресечь в той самой стратегической точке, о которой говорил Хорт? Задушить между руслом и скалами и положить конец пожарам. Или он прорвется вперед, выжигая земли Калитоса безжалостно и подчистую?

Терсонис – помывшийся, перекусивший и сверкающий свеженьким пластырем на зашитом вчера ухе – покрутился в лагере с полчасика, немного отдохнув, и выцепил после смены Шимбота. Говорили они недолго, и октанец, только успев наскоро перехватить положенный обед, взялся командовать переносом лагеря ближе к скалам. Шатры свернули, лошадей увели, запасы провизии и медикаментов начали перетаскивать какими-то узкими тропами, ибо оказалось, что нормальной дороги на взгорья не вело. А значит, и телеги стали бесполезны, все приходилось носить вручную. И без того утомленные после вахты октанцы из последних сил взваливали на спины мешки, подхватывали по двое лубяные сундуки и картонные коробки и плелись прочь из деревни в сторону далеких скал. Лагерь постепенно обезлюдел и притих, и лишь оставленные телеги да все еще выстроенные у колодца в ряд жестяные ведра говорили о том, что некогда тут размещался солидный отряд бывших рабов.

Терсонис отправился вместе с сареймянами к линии огня и строго наказал Милене незамедлительно покинуть деревню, как только новая стоянка будет обустроена. Возражать она не планировала и честно собралась в путь. Да и что, собственно, собирать? Она затолкала электрошокер поглубже в карман платья, дабы быть готовой к выходу в любой момент, пихнула в котомку гребень да исподнее, помогла паре лекарей разложить по саквояжам собранные ими по округе травы и присела у костра вместе с Церсенией пожевать лепешку. У колодца крутилось несколько оставшихся с ними калитосских рабов, ожидавших от главных по лагерю отмашки на выступление. Все было окончательно готово, когда как назло с грязно-серого неба резко хлынул неистовый дождь. Это стало настолько неожиданным, что никто не обрадовался внезапной помощи от самой природы. Люди поспешно повскакивали с земли и, подхватив кто остатки провизии, кто одежду, заскочили в ближайший дом.

– Превеликие боги, какое счастье! – воскликнула Церсения, отряхивая успевшую вымокнуть перепачканную юбку платья и поправляя на голове сбившуюся косынку. – Поднебесье услышало наши молитвы и послало нам долгожданный дождь! Хоть чутка он придушит злое пламя! Полегче будет нашим мужчинам с ним бороться! Да и воздух свежее станет. Невыносимая тут все же гарь!

– Уж как-то внепланово полило, – пространно заметила Милена, оглядев остатки их отряда, набившегося в деревенскую лачугу. – Вот нет чтобы неделей раньше!

– В Калитосе извечно так, – вдумчиво пояснила кухарка и уселась на лавку у стены. – То неистовая жара до самой осени, то вдруг как хлынет, знай ноги уноси!

– Дождь, похоже, ненадолго, – возразил молодой лекарь Вастес, поглядывая на непогоду сквозь мутное оконце. – Тучи-то неплотные, скоро их развеет. И мы сможем отсюда спокойно убраться.

Его очевидно нервировала близость к бушующим пожарам, которых он боялся до дрожи в коленях, пусть и прибыл на восток с остальными абсолютно добровольно. Совсем юный парнишка, явно ученик кого-то из старших знахарей. А может, никогда не сталкивался с природными катастрофами? Не думал, что это по-настоящему страшно? Вызвался помогать, даже не представляя, во что ввязывается? Милена опечаленно отвернулась. Сейчас не до собственных слабостей, всем нужно мобилизоваться, собраться с силами и духом и одолеть огонь. Иначе он поглотит большие территории Калитоса. Конечно, страна не выгорит подчистую, но предстоящие зима и весна точно станут голодными. Какие уж тут дружеские переговоры с теми, кого веками считали здесь опасными и запрещенными лжелюдьми... Надежда на мирное и лад-

ное знакомство таяла так же стремительно, как прогорали где-то рядом новые и новые стволы деревьев. Справятся ли сареймяне и октанцы? Только бы все получилось! Только бы не напрасными стали все эти нечеловеческие усилия!

Дождь и правда прекратился через пару часов, сменившись просто мрачным небом в рваных сизых облаках, несущихся словно подхваченные сильным речным потоком оборванные водоросли. Поднялся ветер, и Милена неуютно поежилась, выйдя на крыльцо дома и уныло оглядывая превратившиеся в грязное месиво улочки деревни. Дождь мог помочь сбить пламя, но вот ветер играл явно не на руку. Но выбора не было, пора выдвигаться в сторону нового лагеря.

Все оставшиеся люди подхватили приготовленные котомки и мешки и зашагали прочь из деревни, с трудом, но угадывая протоптанную октанцами тропку, на которой теперь разъезжались ноги. Она петляла по низкорослому молодому ельнику, постепенно карабкаясь вверх по появившимся каменистым уступам и огибая особенно крупные валуны. К счастью, шагали они не больше четверти часа и вскоре уперлись в почти лишенное растительности скалистое ущелье, испещренное змейками чахлой травы и иссушенными колючками, что зло цеплялись за намокший подол потяжелевшего и изгвазданного платья. Будь оно неладно! Глядя на перепачканную ткань, Милена всерьез подумывала перейти на длину миди. Уж лучше сверкать в этом мире голыми щиколотками, чем черными юбками. Вот доберутся до места, и она разделается с ненужным тряпьем! Наконец, за очередным изгибом невысокого хребта показался новый лагерь.

О том, что здесь разместились люди, говорили наспех разоженные костры, рядом с которыми на кое-как воткнутых меж камней палках сушились многочисленные рубахи и штаны. Вымокли все. Вместо шатров вдоль нависающей громады хребта разложили порубленный лапник, служивший настилом для забывшихся коротким сном октанцев. Пришедшие сюда вместе с ними кухарки из Калитоса уже колдовали над котлом, варя очередную похлебку. А несколько знахарей обходили отдельно расположившихся мужчин, получивших травмы.

И Милена с тревогой пробежалась глазами по незнакомым лицам, пытаясь распознать, находились ли тут Хорт или Терсонис. Но тщетно. Ни того, ни другого в новом лагере было не видать. Что ж, значит, пора приниматься за помощь в готовке и ждать. Желательно хороших новостей.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 4. Традиции Сарейма

Сареймяне подтянулись к скалам уже часа через три: утомленные как никогда, вымокшие до нитки и перепачканные мокрой землей и сажей. Краше только черти. Они брели веревницей по тропе, сбрасывали в груды лопаты и топоры на окраине нового лагеря и молча плелись к приготовленным бочкам. Они сдирали с себя грязную, изодранную одежду до исподнего и окатывались студеной водой, шипя и отфыркиваясь. Какое счастье, что по дну ущелья протекал бойкий ручеек, и они не остались лишены такой важной сейчас воды! Стало даже проще: черпать ведрами однозначно легче, чем крутить ручку колодезного колеса! Милена дернулась было за остальными женщинами к перепачканной и пропахшей дымом одежде, чтобы как-нибудь прополоскать ее в ручье и развесить у костров. Но Церсения непоколебимо встала на ее пути, уперев кулаки в крутые бедра и грозно сверкнув глазами на выкате. И указала взглядом на котел с похлебкой.

– Лучше накормите голодных, госпожа. Не в вашем состоянии! А уж со стиркой мы лучше справимся! Не впервой!

Милена не стала уточнять, что стирать руками она тоже вполне умеет, хоть в родной Ольховинке всегда выручала стиральная машинка. Но никто не отменял детство в деревне с дедушкой и бабушкой в далекой глуши Раздолья, где она вместе с Женькой вкушала все прелести сельской жизни. Наивная Церсения никогда бы не поверила, что прибывшая из Вьюлиажа сеньора Рохос бодро умела и покосить траву, и заштопать носки, и подоить корову. Но накормить изможденных мужчин тоже важно, и Милена без лишних разговоров отправилась к котлу и принялась спешно наполнять глубокие миски.

Сареймяне подходили к месту раздачи пайков, ни капли не смущаясь своих полуобнаженных мокрых торсов, испещренных старыми шрамами, новыми ссадинами и свежими ожогами. Брели миски вместе с кое-как состряпанными на сковородах лепешками и кратко благодарили. И Милена, не отрываясь от санаторного конвейера, старалась все делать шустро и поскорее снабдить каждого необходимой пищей.

– А меня *напарница* сегодня накормит? – внезапно услышала она знакомый голос, в котором сквозила усталость и... облегчение?

– Терсон! Где ты был? – подняла она взгляд, обнаруживая того стоящим самым последним в очереди, но уже переодетым в сухую деревенскую одежду, явно позаимствованную в одном из брошенных домов. – Ну и видок у тебя! Держи-ка!

– А ты мне предлагаешь рыть траншеи в этом демоновом пекле в сенаторском сюртуке? – пробурчал Терсонис, забирая из ее рук до краев наполненную сытной едой миску и увесистый ломоть лепешки. – Ты тоже, положим, в деревенском переднике и косынке мало похожа на сеньору Рохос или даже на Милену Озерскую. Не встречал в Ольховинке таких нарядов. Но надо признать, в штанах да рубахе куда сподручнее махать топором.

И он со стоном уселся рядом с девушкой на уложенное подле костра бревно, служившее кухаркам скамейкой. Милена со смешком закатила глаза и наполнила миску и для себя: пора было подкрепиться.

– Что там на линии фронта? Ты выглядишь слишком довольным.

– А к чему скрывать очевидное? Я доволен! – пожал плечами Терсонис, старательно отправляя в рот ложку за ложкой. – Огонь дошел-таки до нашей наспех вырубленной просеки и начал постепенно затухать. Трава еще тлеет, но ров оказался для него неодолимой преградой. Не уверен, что мы прокопали его достаточно глубоко, вероятно, торфяные пласты намного обширнее. Но хотя бы полыхающий ад мы остановили! Да и ливень пришелся кстати, подбил огонь.

– *Ну слава богу!* – с облегчением выдохнула Милена, на миг забывая о еде. – Небольшая победа – уже хорошо! Кто там сейчас находится? Я вижу, не все октанцы ушли из лагеря на смену.

– Да, мы с Хортом и Шимботом решили, что сотни человек у рва пока хватит для завершения заливки в него раствора с вашим порошком и контроля обстановки. Людям нужно отдохнуть, все работали на пределе эти три дня.

– Хорошо, – резюмировала Милена, – очень надеюсь, что мы на пути к успеху! *Сульфат аммония* должен проникнуть в нижние слои почвы и помочь воде затухнуть то, что может продолжать там незримо тлеть. Сколько запасов порошка у нас осталось?

– Мы использовали лишь половину, – взмахнул ложкой Терсонис. – Вторую часть перетащили в мешках сюда. Я надеялся, ты подскажешь, что с ними дальше делать.

– Пока ничего, – ответила Милена и отложила в сторону опустевшую миску. – Ресурсы надо поберечь. Никто не знает, сработал ли весь этот план. Мы должны быть внимательны и осторожны. И тщательно следить за землей.

– Поверь мне, ни один из этих людей не хочет умереть по оплошности и лишиться столь желанной свободы. Они крайне осторожны, хоть и самоотвержены.

Они помолчали некоторое время, глядя на потрескивающий костер, на беспокойные под порывами ветра языки пламени, на трепыхающиеся рубахи, развешенные на просушку, и на постепенно темнеющее небо, на сей раз не такое багряное, а скорее грязное и мутное. Милена поежилась от едва уловимой вечерней прохлады и подумала о том, что после дождя действительно стало легче дышать. Или все дело в стихающем пожаре?

– Терсон, похвально видеть тебя помогающим сареймянам и октанцам, – тепло произнесла девушка. – Правда, очень непривычно лицезреть сенатора перемазанным сажей и с лопатой наперевес.

– Я не планировал отсиживаться в шатре, в самом деле! – слегка возмущенно возразил напарник и недовольно глянул на Милену. – В условиях бушующей стихии мы тут все сейчас равны. Каждый из нас должен трудиться. И каждый рискует жизнью. Чем я лучше? Мне впервые отраднее, что рядом со мной находятся бывшие рабы, которые в данный момент не исполняют приказы господ, ожидая плетей надсмотрщиков. А наняты на работу. И ради своей будущей свободы они по-настоящему стараются. Если бы только общество Калитоса уразумело правильность такого отношения к людям...

Милена улыбнулась и тепло похлопала Терсониса по плечу. Ей тоже очень хотелось бы подобных перемен в этом мире. Чтобы угнетенные, наконец, разогнули спины и вздохнули полной грудью. Чтобы ее напарник добился справедливости, за которую сражался долгие годы, несмотря на горькую и тяжелую утрату жены. Чтобы равноправия стало чуточку больше. Но она не верила в радужные сказки наяву. Впереди могли оказаться суровые испытания.

Едва стемнело окончательно, как среди скал поднялся неприятный резкий ветер. Он метался по ущелью рваными всполохами, срывая с палок рубахи, беспокоя костры, заставляя людей ворчливо жаться к камням в поисках тихого укрытия. Те, кто еще бодрствовал, перетащили еловый лапник в неглубокое ответвление ущелья, которое хоть как-то уберегало от назойливых порывов. Первыми там устроились калитосские кухарки и лекари, выполнив свою часть работы. Костры с трудом огородили горками из камней, позволив огню спокойно лизать поленья и не выбрасывать вверх недовольные снопы искр. Непросохшую одежду разложили прямо на валунах и придавили камнями: стирать повторно, да еще и в наступившей тьме не хотелось никому.

Милена с сомнением покосилась на еловые ветви, где ей предстояло ночевать, и скептически хмыкнула. Даже в студенческих походах ее всегда ждала палатка и уютный теплый спальник, а не жесткие иголки да открытое небо, с которого вполне легко мог пролиться очередной дождь. Только теперь прятаться вообще негде. Разве что сложить над головой ладони

домиком. Да и локоть снова разнылся, хоть Милена честно глотала все доступные таблетки и сознательно промывала укусы дезраствором, прежде чем наложить чистую повязку. Но сейчас делать нечего, и девушка, подцепив из общей кучи лапника несколько ветвей, потащила их к небольшой расселине на краю лагеря, которую заприметила еще по прибытии.

– Помочь? – неожиданно остановил ее знакомый глухой голос за спиной.

Тяжелые шаги приблизились, и, когда она развернулась с неосознанным легким волнением, рядом с ней стоял Хорт. Он был в застегнутой до ворота и перепачканной сажей рубашке и в повязанном на голове платке, из-под которого выбивались растрепанные волосы. Но на удивление он не выглядел столь изможденным, как накануне, и даже не хмурился. Всего лишь подхватил из ее рук лапник и вопросительно вскинул подбородок.

– Я тут нашла одно удобное местечко, где не сильно дует, – кивнула Милена во тьму ущелья. – Я подумала, там вполне сносно.

– Что ж, показывай, – коротко отозвался Хорт и последовал за девушкой.

Они взобрались на невысокий уступ и нырнули в темную расселину, укрытую чахлым, но упрямо распустившим свои корявые ветви кустом ежевики. Скалистая порода вздымалась на несколько метров, неплохо отгораживая от вездесущего ветра и создавая некоторую защиту. Пойди ночью дождь, и тут, конечно, станет более чем пакостно, но пока сухо, можно попробовать поспать. Хорт одобрительно цокнул языком и разложил на земле лапник, устраивая его как-то хитро, вплетая игольчатые ветви друг в друга так, что они сформировали относительно плотный и пружинистый настил. Видимо, в военных походах ему приходилось делать подобное несчетное количество раз, и руки даже в темноте прекрасно знали, как из веток елки соорудить удобоваримую полевую постель.

– Устраивайся, госпожа, – тихо произнес он, отряхивая ладони о штаны и замирая на краю уступа. – Лучшего укрытия не найти.

– Когда ты вернулся? Ты поел? – спохватилась Милена, понимая, что еще миг, и он опять куда-то сгинет. – Давай я тебе что-нибудь соберу. Мы сегодня зажарили тех несчастных куриц, которые томились в курятниках соседней брошенной деревни. Там наготовлено впрок, пойдем.

Но Хорт остановил ее, перехватывая за руку. Если бы с неба светила хотя бы луна, а не отблески затухающих далеких пожаров, Милена точно бы различила, как недоуменно вздергиваются кончики его бровей.

– Чего удумала! – буркнул он строго. – Вы, значит, все это жарили, а я не способен положить в тарелку? Вот спасибо! И с каких пор Хорт стал беспомощным...

Милена бессильно рассмеялась, настолько нелепо представился ее искренний порыв помочь с ужином устами Хорта. Да уж, она снова забыла, что перед ней прирожденный воин, а не рядовой менеджер по продажам из магазина постельного белья.

– Прости, – примирительно протянула она. – Я просто хотела немного с тобой поговорить, пока ты не уснул. Вот и напрашиваюсь тебе в компанию. Я же понимаю, что времени и возможностей у нас очень мало, и тебе вовсе не до болтовни.

Хорт не двигаясь смотрел на нее непродолжительное время, и лишь кончики его волос, торчащие из-под платка, порывисто трепались над воротом рубахи. Наконец, он выдохнул и дернул плечами.

– Я скоро вернусь, и поговорим. Ежели сама не уснешь.

И тяжело соскочил с валуна, скрываясь за выступом скалы.

Ладно, похоже, сегодня он не валится с ног от смертельной усталости, и пара минуток у них будет. Но чтобы что? Обсудить происходящее у линии огня? Спросить, как он себя чувствует после нескольких дней в плену у драной швабры? Выяснить, что планирует делать после всего этого нелегкого мероприятия? Или Милена прямо сейчас себя обманывала, выискивая предлог, чтобы вернуть себе возможность общаться с Хортом как раньше? Когда можно было поговорить на любую тему, рассказать интересное о своем прошлом, обсудить историю Кали-

тоса или пресловутые культурные различия их миров, пошутить и просто находиться рядом и молча глядеть на ночное небо? Как тогда, на балконе ее ольховинской квартиры.

Но как бы не так! Спокойные времена теперь в прошлом. Хорошо, если все останутся живы после этой опасной игры в повелителей огненной стихии! Хорошо, если в Аскалитании их не будет поджидать полный военный состав жандармерии и какой-нибудь особый монарший отряд военных при императоре Продио Балиди Всемогущем, дабы арестовать их и от души окропить кровью предателей жертвенные алтари Пантеона! Хватит ли им сноровки и удачи справиться с теми, кто всеми силами противился этому походу и преследовал свои политические цели, совсем далекие от гуманизма? Останется ли шанс на нормальную жизнь там, в подступающем будущем, пропитанном удушливой гарью, потом трудящихся на износ мужчин и яростным желанием стоять до победного за то единственное, что было для них важно – за свободу?

Милена вздохнула и присела на лапник, обхватывая колени руками и приваливаясь спиной к скале. Она понятия не имела, как самой себе ответить на все эти тревожные вопросы. Но знала одно: она точно сегодня не уснет, не дождавшись Хорта.

Тот на удивление вернулся весьма быстро.

– Не спишь? – осторожно спросил он, взбираясь на уступ и ныряя в спокойную тишину расселины.

– Конечно, нет, – отмахнулась Милена, наблюдая за тем, как он со сдавленным стоном облегчения опускается рядом на настил из еловых ветвей и тоже прислоняется спиной к скале, почти копируя ее позу. – Тебя не было всего-то с четверть часа.

Хорт стянул с головы перепачканную повязку, встряхивая растрепанными и давно ничем не собранными волосами.

– Иногда мне кажется, я готов уснуть даже стоя, – пробормотал он чуть слышно и более внятно добавил: – О чем собиралась поговорить, госпожа?

Милена ощутила укол вины и закусила от досады губу. Не стоило затевать неуместных бесед, он и так еле держался от переутомления, хоть и не подавал виду. Но внутри неприятно тянуло нечто тоскливое и раздражающее, когда их общение падало к нулевой отметке.

– Так, ничего особенного, – поспешила оправдаться девушка, перебирая пальцами подол платья, стиснутый между коленями. – Просто хотела знать, как ты. Утром едва с тобой перекинулись парой слов. А до этого в последний раз мы нормально разговаривали еще до... до того, как я собственноручно отправила тебя к драной козе. То есть ящерице. Я, знаешь ли, переживала. А потом эти вот противопожарные мероприятия, где ты пропадаешь по две смены к ряду.

Хорт тихо фыркнул, то ли не имея сил сделать это более пренебрежительно, то ли не считая нужным реагировать эмоциональнее, и потер сзади шею над клеймом, невольно выдавая некоторое замешательство.

– Поверь, я в порядке, – ответил он, ожидаемо не вдаваясь в детали. – И мне сейчас куда проще и охотнее работать, чем месяц-два назад. Ибо теперь у всех нас есть цель. И понимание того, зачем мы это делаем. Воевать с пожарами в сто крат приятнее, чем убивать на потеху таких же, как ты сам. Лучше расскажи обещанное: что с тобой стряслось в плену у мрази Балиди? Я знаю от сеньора Рохоса только то, что тебя продержали у советника в заточении почти четыре дня, и сенатор нашел тебя, сигающей через ограду с прокушенной рукой.

Даже в мутной темноте их укрытия Милена отлично увидела, как пытливо и требовательно уставился на нее Хорт, недовольно изучая едва проступающую под рукавом повязку на локте. Девушка невесело улыбнулась и развела руками.

– Мне и добавить к этому нечего. Десмания не врала, когда продала мне за тебя секрет Балиди. Я думала, она сочиняет на ходу нелепую ахиною для красного словца, но этот псих действительно устраивает на людей охоту. В общем... травильные собаки были прелюдией, как и их клыки, хоть мне и удалось зару... сразить их *шокером*. А дальше сам Балиди нарисовался

верхом на лошади и с луком в руках, пока я перелезала через ограду в каком-то фермерском поместье, куда меня притащили. Даже странно, что он не успел меня продырявить. Видимо, просто повезло...

Хорт зло выругался сквозь зубы на сареймянском и осторожно коснулся раненой руки девушки, задирая свободный рукав платья и настойчиво ощупывая кожу рядом с бинтами.

– Твое счастье, что у тебя здесь один отек, и рука не такая горячая, как я опасался. Раны от зубов животных самые поганые, можно сдохнуть от незначительного укуса быстрее, чем от разрубленной мечом плоти. Ты же принимаешь эти твои лечебные горошины?

– Принимаю, правда, не совсем правильные, – посетовала Милена. – Я же сорвалась сюда с кухарками и лекарями вообще без вещей.

Хорт недовольно поворчал и, вытянув ноги, накрыл ее ладонь, все еще лежащую на колене, и откинул голову к скале. Он долго молчал, не шевелясь и не выпуская руки девушки, и просто смотрел в пустоту. Милена поняла, что вопрос все равно просился, и если не сейчас, то она его уже вряд ли задаст. Поэтому она сделала короткий вдох и произнесла:

– Откровенность за откровенность, Хорт. Что было с тобой в те четыре дня?

Она бросила на него осторожный взгляд, не особенно веря в то, что услышит в ответ вообще хоть что-то. Он и правда нахмурился и недовольно засопел, явно не желая ничего рассказывать. Но все же пересилил себя и задумчиво пробормотал:

– Справедливо, госпожа. Но скажу так: со мной не происходило ничего действительно плохого. Ничего, чего бы я не ожидал. Десмания просто... утоляла жажду недополученного. Так, как того требовала ее извращенная, сучья сущность.

Милена неуютно поежилась, прекрасно поняв расплывчатый ответ Хорта, и запоздало спохватилась, выскальзывая из-под его руки и чуть отстраняясь от него.

– Прости, – заторопилась объяснить она, видя его настороженно выгнутую бровь. – Я помню, что ты не переносишь прикосновений к себе. А уж тем более после всего этого... Я же вижу, расплата вышла для тебя нелегкой, – и она указала на его содранные кандалами запястья, выглядывавшие из слегка закатанных рукавов рубашки. – Ты волен уйти в любой момент, я не держу тебя.

Милена отвела взор и старательно пыталась ни о чем больше не думать. Не представлять. Не анализировать. Не ждать. Не надеяться. Одним добрым словом изломанную психику не восстановишь. Одним уважением – не сотрешь с чужой души унижение. Искренним теплом – не затопишь ярость и гнев к несправедливым мучителям. Зря она заговорила об этом, очень зря. Теперь Хорт уйдет восвояси спать, и весь их краткий диалог завершится на неприятной, болезненной ноте. Черт, ну кто тебя дергал за язык, Озерская?

Но он почему-то не шевелился. Прищуренным взглядом он следил за эмоциями на лице Милены и о чем-то размышлял. А потом внезапно шепнул:

– Спасибо за разрешение. Оно для меня... ценно.

Ну вот и все. Ей оставалось лишь смириться и улечься спать на сплетенных им еловых ветвях, дабы впредь следить за собственными словами, жестами и расстоянием между ними. И не нарушать границы. Но Хорт вновь заговорил:

– И раз уж ты вчера спрашивала меня о традициях Калитоса и Сарейма в свете нашей ночевки на сеновале... У меня тоже есть вопрос. Это что-то значит в вашем мире?

Милена удивленно подняла на него взор, совершенно не ожидая в данный момент подобных слов. Хорт смотрел на нее пылливо, устало, но абсолютно спокойно. Ему это было так важно знать? Милена заправила растрепавшуюся прядь русых волос за ухо и осторожно ответила:

– В моем мире то, что мы проспали бок о бок, означает, что... ну, например, что я тебе доверяю.

Она сделала паузу, наблюдая за реакцией Хорта. Его лицо слегка просветлело, и в уголках глаз собрались насмешливые морщинки. Ну да, она хорошо помнила все его упреки из-за своего чрезмерно беспечного доверия к спасенному бойцовому рабу, жаждущему собственной смерти! Но теперь это не имело смысла. Она действительно ему доверяла. Однако это не все. Стоит ли умалчивать очевидное?

– Ну или что ты мне нравишься, – честно добавила Милена. – Но я от тебя ничего не жду. Просто сказала, как есть.

Впрочем, после подобной ремарки он уж точно встанет и уйдет. Потому что нравиться кому-либо он наверняка хотел бы в самую последнюю очередь. Учитывая все пережитое у Десмании. Но Хорт продолжал молчать, и пауза заметно затянулась. Милена подумала, что стоит пожелать спокойной ночи и избавить их обоих от явно тяготившего его ответа. Но он, наконец, сделал долгий и шумный вдох и развязал на рубашке пару верхних тесемок, освобождая шею и грудь.

– Тогда давай спать, – коротко и чуть хрипло предложил он.

Хорт сместился в сторону и вдруг растянулся прямо там же, на лапнике, выжидательно протягивая руку в приглашающем жесте. Милена в изумлении прилегла рядом, еще не понимая внезапных перемен, но Хорт тепло приобнял ее, позволяя устроиться поудобнее. И Милена заставила себя расслабиться, укладывая голову ему на грудь и стараясь не задеть место ожога на животе.

– В Сарейме, – пояснил мужчина шепотом ей в макушку, – так делают только с теми, кто станет частью семьи. Но и оба названных тобой пункта обязательны. Посему... если мы закроем глаза на мою неспособность следовать традициям Сарейма, и если ты правда обо всем этом не пожалеешь... тогда доброй ночи, Милена.

Девушка слегка улыбнулась и тихонько вдохнула запах Хорта: терпкий, теплый, пропитанный немного потом, немного гарью, и потерлась щекой о его мерно вздымающуюся грудь.

– И тебе доброй, капитан Стайдера.

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 5. Сейна

– Подъем! Живее! Все на помощь!!!!

Эти калитосские и другие – незнакомые – окрики разбудили Милену посреди ночи. Первым к ее затуманенному сном сознанию прорвался тяжелый и удушающий запах гари, словно полыхало прямо в ущелье. Она распахнула глаза и поняла, что стояла все та же непроглядная тьма, сдобренная плотным и вязким смогом, в десятки раз более явственным, чем накануне! Хорт подорвался с настила в считанные секунды и, бросив хриплое «Оставайся в лагере!», спрыгнул с уступа и исчез за изгибом расселины.

Вот же ж черт!!! То, чтостряслась беда, уже было очевидно.

Милена взволнованно вскочила вслед за Хортом и устремилась наружу, сразу вливаясь в хаос спешащих мужчин, которые накидывали на плечи рубахи, хватали ведра и лопаты и перекрикивались друг с другом на разных языках. Несколько рабов стояли у ручья и зачерпывали воду, передавая в ждущие руки. Кто-то раздувал искры в костре, чтобы хоть немного осветить мутную, пропитанную пугающим дымом тьму. Повсюду слышалась досадливая ругань, которую никто не сдерживал, короткие приказы, встревоженные вопросы. «Что там?!», «Какого демона?!», «Кто пострадал?», «Как близко огонь?» – и так до бесконечности, пока в центре лагеря вновь не появился Хорт и не рывкнул во всю силу легких:

– Тишина!!! Умолкли все!!!

Воины замерли на месте, доверяя негласному предводителю и ожидая внятных инструкций.

– Всем мужчинам на выход! – не заставил себя ждать громкий и четкий приказ Хорта. – С собой берите топоры, лопаты и пустые ведра! Все слышали? Пустые! Наполним в деревне, отсюда не тащим! В огонь не соваться, по дымящейся земле не ходить. Ступать след в след! Лица закрыть всем, чем найдете. Дышать только через мокрую ткань. Бегом!!!

Снова поднялась суета, но теперь люди действовали более слажено. Лязг жестяных ведер сменился топотом пары сотен ног, и уже через несколько минут лагерь почти опустел. Милена в ужасе наблюдала за этой картиной, понимая одно: огонь прорвался сквозь их преграду! Ни просека, ни ров с залитыми в него химикатами не помогли остановить пожарища, и одним богам всех миров отныне известно, что делать дальше. В дымной тьме девушка едва различила знакомую фигуру мужчины и бросилась к нему.

– Терсон! Подожди! Что именно тамстряслось?

Напарник был растрепан после сна, но одет, как и остальные, в застегнутую рубашку, плотные штаны и повязку на шее, которую успел смочить водой и собирался натянуть на нос.

– Демоны, Милена! Не суйся туда! Уходи на скалы!

– Да не суюсь я! Что случилось?! Говори же! – повысила голос Милена, цепко ухватившись за руку Терсониса и не собираясь его отпускать, пока тот не ответит.

Сейчас не до благородных жестов сенатора, беспокоящегося о ее безопасности!

– Земля опять начала гореть, – нехотя выдал он, нервно оборачиваясь на убегающих прочь последних рабов. – Огонь прорвался к деревне и отрезал смену Шимбота. Они оказались в полыхающей ловушке и не могут пробиться через тлеющий торф. Если мы не успеем, они погибнут...

И Терсонис вновь дернулся, желая освободиться от хватки девушки и поторопиться за воинами.

– Да стой же ты, *черт побери!* – не хуже Хорта прикрикнула на него Милена, теряя терпение. – Слушай и запоминай! Мешайте воду с порошком прямо там же, у деревни, и лейте в землю по линии, чтобы пропитать ее от края до края! Не пытайтесь пройти вперед, пока не остудите торф. Вспапывайте землю, заливайте ее составом и перемешивайте лопатами! Только так

вы поможете отряду Шимбота! И долой все деревья и кусты, даже срубленные и поваленные! Помни: когда огня не видно, и есть один дым, значит, горит внутри! Не провалитесь в скрытые полости! Потому что там будет пекло! Запомни: воду с порошком по линии! И вскапывать! Все, беги.

Терсонис, наконец, понял, зачем именно удерживала его Милена, и послушно закивал на эти ценные наставления, на прощание сжав ее плечо. Еще миг, и он побежал догонять ушедший отряд.

Черт, черт, черт!

Милена осмотрелась и решила собрать всех находящихся в лагере лекарей. То, что очень скоро потребуется их помощь, и пострадавших окажется много, было ясно, как и то, что они сейчас ходили по самому краю. Кто-то может погибнуть, кто-то стать калекой, не каждого удастся спасти. Но нужно хотя бы подготовиться! Однако людей оказалось мало. Калитосские рабы ушли со всеми, из знахарей в ущелье нашлось всего четверо мужчин, включая старика Жемадиса и молоденького парнишку Вастеса. Да полный состав кухарок. Остальные же поспешили на помощь октанцам. Как не кстати! Что, если не хватит рук? Что, если они не успеют?

– Помогите мне достать бинты и лекарства! – поторопила знахарей девушка взмахом руки и устремилась к сложенным под валунами коробкам с медикаментами из своего мира.

Она вместе с Церсенией нервно расстелила на земле несколько притащенных из деревни простынь и принялась сортировать на каждой из них нужные предметы. Бинты и марли высыпались горкой на самый большой кусок ткани, их может понадобится уйма! На вторую простынь полетели противоожоговые гели и мази, закупленные, к счастью, в Ольховинке в умопомрачительном количестве. И без того уже многие рабы приходили после смен с незначительными ожогами и волдырями, как Хорт. Но в этот раз все может оказаться намного катастрофичнее. Огонь слишком близко, дыма слишком много, смерть явственно витала в самом воздухе. Ну и третья ткань. Туда Милена собственноручно вывалила одноразовые шприцы в хрустящих стерильных упаковках и ампулы с сильными обезболивающими и жаропонижающими. Это она не доверит никому. Женщины и так с ужасом косились на непонятный и чуждый пластик, на ряды стеклянных капсул и на чужеродный шрифт незнакомых им надписей разных цветов. Хоть бы не пришлось это использовать! Хоть бы обошлось! Но Милена понимала: не время обманываться, надо готовиться к худшему. Даже к тому, что им придется бежать, никого не дождавшись...

Эх, Андрей Степанович, что же вы не отправили сюда отряд медиков! Как не хватало сейчас поддержки профессионалов! Ибо на местных знахарей Милена не сильно рассчитывала.

– Наполните оставшиеся ведра водой! – окликнула она встревоженных мужчин, растерявшихся от вида непонятных тюбиков и коробочек. – Чем больше, тем лучше. Нам понадобится очень, очень много чистой холодной воды! И закройте нос тканью, как это сделали воины! Нам всем нужно беречь легкие, гари слишком много!

Время тянулось бесконечно долго, каждой чертовой секундой проезжаясь по нервным окончаниям, будто с тела давно содрали кожу. Милена до звона в ушах прислушивалась к тому, что могло происходить в четверти часа ходьбы от скал, но не разбирала ничего. Усилившийся ветер назойливо заглушал все другие звуки и резкими порывами посвистывал меж вздымающихся валунов и изгибов взгорья. Но красноречивее этого были стукки плотного сизого дыма, которые метались в воздухе, как перья в вареве из удушливого грязно-желтого смога. Пахло огнем, горящим деревом, животным страхом, тянущим бессознательно прочь, вверх на скалы, туда, где гореть нечему, где можно спастись. Хотелось бежать без оглядки, перепрыгивая через камни, раздирая руки в кровь о хлещущие ветви все еще живых деревьев. Но то кричали инстинкты. А сознание заставляло продолжать выполнять монотонную и примитивную, но такую нужную работу.

Все чаще то тут, то там раздавался сдавленный или надрывный кашель, и Милена в сотый раз смачивала косынку, повязанную на носу, чтобы хоть как-то задержать на ткани отравляющие частицы. Что происходило там, где сейчас дымилась земля и полыхал огонь, где бывшие рабы пытались спасти часть своего отряда, она даже не желала представлять. Она планомерно гнала прочь из сознания нервные мысли и вопросы. Нельзя думать, нельзя забегать вперед. Ей придется смириться с любым исходом, справиться с любой действительностью и просто делать все, абсолютно все, что будет в ее силах.

Первые пострадавшие появились ближе к мутному и грязному рассвету, окутанному едким дымом. На тропе возникли калитосские рабы, притащившие в лагерь несколько сареймян в бессознательном состоянии. Одежда на них сильно обгорела и покрылась слоями сажи, а сквозь прорехи проступали ярко-алые островки ожогов, но Милена запретила себе всякие эмоции. Она решительно указала на расчищенную площадку ущелья у ручья, где уже были расстелены оставшиеся холщовые простыни. Мужчин уложили на них, и лекари принялись торопливо осматривать повреждения, осторожно снимая с тел обрывки обугленного тряпья. Милена металась между ними, подавая то стерильную марлю для промывки кровоточащих ран, то нервно откручивала пузырьки с нашатырным спиртом, чтобы привести воинов в чувства, то придерживала их за плечи или руки, пока знахари обматывали повреждения плотными витками пропитанных гелем бинтов. И старалась не слышать тех шипящих полустонов, которые пострадавшие всеми силами пытались сдержать за стиснутыми зубами, не привыкшие ни к жалобам, ни к заботе, но не имеющие сейчас сил на то, чтобы храбриться и дальше. Черт! Надо просто продолжать помогать!

Никто не задавал вопросов, не тратил сил мужчин на разговоры. И так понятно: где-то совсем рядом творился ад, и теперь каждый должен был выполнять свою задачу, не отвлекаясь на чужую. Но один из сареймян все же перехватил полувопросительный взгляд какой-то женщины, отпаивающей его водой, и прохрипел:

– Земля... горит... Мы умирим ее... Мы спасем октанцев... Только отлежимся чуток...

Милена неодобрительно покачала головой и поспешила к очередному ведру воды, чтобы окатить ею другого сареймянина и остудить его побагровевшую грудь и спину. Эти воины точно выбыли из строя на ближайшие часы, и отлежаться тут не поможет. Правда, ничего смертельного в их травмах не обнаружилось. Все поправимо, будут жить. Только бы не случилось чего похуже...

Но нет. Судьба в этот день возжелала устроить отряду персональный апокалипсис. Уже через полчаса со стороны тропы послышались резкие окрики, и – черт подери! – ей не понадобилось знание октанского, чтобы понять: «На помощь!» звучит одинаково страшно и очевидно, из каких бы звуков ни состояла эта реплика. Девушка вскочила с земли и бросилась к тем, кто чуть ли не бегом тащил в лагерь чье-то тело, безвольно утопающее в натянутом на манер носилок плаще. Ей не пришлось задавать вопросов, взгляд моментально выцепил почти черное от сажи лицо Шимбота с остриженной макушкой, искаженное от неподконтрольных конвульсий, и обгоревшее месиво вместо ног. Воздух в легких окончательно закончился, стоило Милене увидеть эту чудовищную картину, и сердце с трудом протолкнуло вмиг загустевшую кровь. Боже... Боже...

– Несите сюда! Быстрее! – собственный голос показался чужим и осипшим, когда она выкрикнула этот приказ. – Готовьте много воды! Бинты! Осторожнее!!!

Она метнулась к расстеленной накидке с ампулами. Только бы успеть! Пальцы не слушались, пока она нервно разрывала упаковку со шприцом и обламывала кончик капсулы с сильным обезболивающим. Черт! Сосредоточься! В шприце должна быть жидкость, а не гребаные пузырьки воздуха! Любое промедление может приблизить смерть от болевого шока. Сперва надо помочь мозгу и сердцу, остальное – после!

Кое-как справившись, она подорвалась на ноги и кинулась к лежащему Шимботу, находящемуся в странном, пограничном состоянии: его сверкающие белками на фоне черного лица глаза были неестественно распахнуты, но он вряд ли видел или слышал мир вокруг себя. Лишь рваное, поверхностное, дерганное дыхание да непрекращающиеся судороги, выворачивающие его тело, говорили о том, что он еще жив. Знахари в замешательстве застыли вокруг, не смея ни прикоснуться, ни что-либо сделать, и один Жемадис перехватил руку Милены со шприцом, стоило ей опуститься на землю рядом с Шимботом.

– Сеньора Рохос, вам нельзя! – срывающимся голосом остановил ее он. – Скажите, что нужно, мы все сделаем! Напоим его опиумом, промоем раны, перебинтуем. Но вам нельзя... Спа- сать нельзя.

Милена ошарашенно подняла на Жемадиса взор, совершенно не понимая смысла его слов, и рефлекторно выдернула руку из его хватки, которая тотчас же разжалась.

– Какого демона, Жемадис? – вырвалось у нее то ли зло, то ли истерично. – Вы себя слышите?! Он не в том состоянии, чтобы поить его опиумом! У него сильнейший болевой шок! Но я попытаюсь!

Ложь! Чушь! Ему нужна, черт подери, реанимация, которой тут, к дьяволу, не было!!! И все, чем она могла помочь, это убойная доза обезболивающего, а позднее – жаропонижающего. И уйма противоожогового геля и воды! Но она не могла не попробовать! А ей только мешают!

Однако Жемадис сочувственно поджал губы, не собираясь сдаваясь.

– Он октанец, – с нажимом произнес лекарь. – Он вряд ли выживет, он сильно обгорел. Мы таких и не выхаживаем, это невозможно. Лишь агонию облегчить немного. Но... коли вы собственноручно возьметесь его спасать и тем самым вмешаетесь в предписанное, вы будете за него в ответе. До конца его дней. Впрочем, он не протянет долго...

Вот дьявол! Милена вообще об этом забыла! Чужеродные октанские традиции! Где священная женщина не имела права менять судьбу октанца, если не собиралась стать для него оплотом, якорем и светом. Его сейной. Но... это имело сейчас значение?! Он серьезно?!

– Просто не мешайте мне! – в отчаянии выдохнула Милена и яростно опрокинула пузырек со спиртом на марлевый тампон.

Жемадис молча отшатнулся, и все четверо знахарей и женщины расступились, образуя вокруг девушки и Шимбота подозрительно обширное пространство, словно она в одночасье превратилась в страшную ведьму, творящую у них перед носом зловещую черную магию. Плевать! На все плевать, будь неладен этот средневековый мир! Пальцы яростно запорхали над сгибом мужского локтя, очищая засмоленную кожу над веной для укола, и через мгновение игла легко проткнула плоть, планомерно впрыскивая в кровь лекарство. До самого конца. Если Шимбот выживет, она разберется позже с идиотскими якорями! И Милена схватилась за следующий шприц.

Она не представляла, сколько прошло времени, пока она как в тумане занималась травмами Шимбота. Час? Два? Язык не поворачивался признать: она просто неумело боролась за его жизнь! Лихорадочно вкалывала препараты, срезала с тела обгоревшие лохмотья, медленно и мучительно долго касалась смоченной марлей его чудовищных ожогов в попытке остудить и промыть, старалась не потерять контроль и остатки самообладания от зрелища сторевшей плоти на его ногах и отгоняла из сознания мысль, что противоожогового геля и стерильных бинтов недостаточно! Тело Шимбота горело без огня даже после жаропонижающих, и раз за разом она осторожно окропляла свежей водой его лоб, шею и грудь, которые постепенно покрывались светлыми дорожками подтеков, обнажавших его кожу под слоем копоты и крови.

Когда она закончила перевязку, с досадой оглядывая проступающие грязно-алые разводы на бинтах, охватывающих теперь обе его изуродованные ноги, Шимбот ненадолго пришел в себя. Может, обезболивающее, может, прохлада воды хоть немного принесли ему облег-

чение, и он более осмысленно разлепил веки и посмотрел на склоненную над ним Милену, которая упорно смачивала его пылающее лицо и покрытые коркой губы. Октанец дышал сипло и поверхностно, но судороги стихли, и он смог осознанно повести глазами и оценить обстановку.

– Все хорошо, Шимбот, – попыталась успокоить его Милена. – Ты в лагере. Мы позаботимся о тебе. Все будет хорошо...

Пустые слова, она и сама в них не сильно верила. Хорошо? Что тут хорошего, если он мог не выжить? Или остаться калекой? Но именно сейчас Милене больше нечем было его подбодрить.

Шимбот дернулся от ее слов, взор метнулся к рукам, проводящим мокрой марлей по голой груди, к изодранному исподнему, кое-как прикрывавшему его бедра, к неестественно белеющим, обмотанным бинтами ногам. Его взгляд наполнился не то отчаянием, не то обреченностью, и он набрал воздуха в легкие. Милене показалось, он хочет что-то сказать. Но октанец лишь прикрыл глаза и изможденно завыл. То ли от боли, то ли от необратимости произошедшего. И девушка честно не знала, что сильнее всего ударило по сознанию Шимбота: то, что он находился на волоске от смерти, или что Милена лично спасала и меняла его судьбу.

Тихий и отчаянный вой иссяк так же быстро, как и его силы, и октанец вновь провалился в беспамятство. Девушка на миг зажмурилась, прогоняя опасно поплывшую картинку, и с трудом поднялась на ноги. Она сделала все возможное. Дальше жизнь Шимбота зависит от его организма.

Не чувствуя собственного тела, она доплелась до ручья и бессильно опустилась на камни у самой кромки. Она бездумно опустила руки с закатанными рукавами в воду и уставилась на черно-багряные узоры, потянувшиеся от ее ладоней по мелким перекатам мутными змеями. Она ощущала, как постепенно немеет кожа от студеной воды, но не могла пошевелиться. Лишь делала принудительно долгие вдохи и выдохи, не справляясь с сильной дрожью, что колотила ее тело.

Хотелось распластаться на земле, закрыть глаза и очнуться в каком-нибудь далеком будущем, желательно на другой планете. Потому что ей по-настоящему было страшно. Еще никогда от нее не зависела чужая человеческая жизнь. И не от каких-то ее судьбоносных решений. А от неверного движения пальцев, не вовремя сорванного колпачка с тюбика геля, от недостаточно деликатно повязанного бинта. Она, черт подери, не являлась врачом!!! Да, она перевязывала раны Хорта после состязания на ристалище, правильно рассчитывала дозировку противовоспалительных таблеток, чтобы у него не началось заражение, знала, как сбить сильный жар. И в целом представляла, как обработать укусы пса на своем локте. Но она не умела вытаскивать с того света человека, получившего термические ожоги нижних конечностей третьей степени!!! Находясь в грязном ущелье мира, уровень развития которого соответствовал всего лишь средневековью. С минимальным арсеналом медикаментов и одной парой собственных рук! Ведь ни одна из калитосских женщин не посмела прикоснуться к Шимботу и хоть чем-то ей помочь, боясь брать на себя груз ответственности, а четверо лекарей сочли октанца не жильцом и ретировались подальше!

Милена закашлялась, только сейчас сообразив, насколько пересохло ее горло, на котором осела уйма гари. Правда, воздух стал заметно чище и свежее, стоило солнцу перевалить за зенитную точку. Впрочем, девушка и не поднимала взора на затянутое рваными облаками и смогом небо. Не до того.

– Госпожа, – послышался за плечом участливый голос Церсении, и Милена подняла голову, вырываясь из мрачных мыслей и вытаскивая руки из ручья. – Вы в порядке, сеньора Милена? Превеликие боги... Что мне для вас сделать?

Кухарка протягивала ей относительно чистую тряпицу обтереть ладони. Девушка с трудом встала на ноги и прокашлялась.

– Ничего, Церсения. Ничего не нужно.

– Вы очень смелая, госпожа, – заявила та, принимаясь вытирать ей руки, ибо сама она не замечала, как вода стекает на давно грязную юбку платья.

– Что все это теперь значит? – взглянула на нее Милена. – Что значит моя помощь Шимботу? Я все испортила?

Кухарка закончила с ее ладонями и тяжело вздохнула, поправляя выбившуюся из-под косынки прядь черных с проседью волос.

– Важно то, что это значит для вас, госпожа, – тихо ответила она. – Вы единственная, кто попытался помочь ему. Вы знали как, а мы не знали. Одни высшие боги ведают, выживет ли он. Но... вы облегчили его мучения. Его ждали часы страшной агонии и неминуемая, жуткая смерть. Однако теперь он просто спит, и мы будем молиться всем семи богам Деоса и Земле, в которую он верит, дабы он очнулся и смог жить дальше.

Милена коротко кивнула и снова спросила:

– Что это значит для него и для меня? Я не знаю, что такое быть сейной. Я ни демона в этом не понимаю!

Церсения помолчала, явно подбирая слова, и девушка окончательно уверилась в том, что Шимбот никогда не поблагодарит ее за помощь. Это однозначно являлось для него не меньшей катастрофой, чем обгоревшие ноги.

– Я не так-то много ведаю о чужеземной октанской культуре, – подавленно отозвалась кухарка. – Но про сейну кое-что слыхала. Коль вы не дали ему умереть, вы теперь в ответе за его судьбу, а он больше не принадлежит своему гамсутскому клану в Октане. Вам направлять его по жизни. Вам определять его предназначение, ибо предыдущего он окончательно лишился. А его цель – исполнить новое. Ежели он, конечно, будет в состоянии... Но помните, госпожа: та священная женщина, которая становится светом для мужчины, должна хорошенько знать, что для него самое правильное и лучшее. Раз уж вы вмешались в ход его земного пути.

– А как же мне это узнать, если я и Шимбота-то толком не знаю? – с долей безысходности пробормотала Милена, до конца не веря в то, что попала в хитрую культурную западню.

Церсения в ответ развела руками и виновато изогнула брови.

– Так госпожа, насколько я знаю про этот народ, сейной для октанца никогда и не становится чужая женщина. Она всегда из его клана или из его города. Она близка к его семье и понимает, какое именно предназначение приблизит его к милости богини Земли. А вы так вот неосторожно...

Милена прикрыла на мгновение глаза и застонала.

– Господи боже... Дай мне сил...

ПОДЕЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
ОБ ЭТОЙ ГЛАВЕ

Глава 6. Иди к демону

Воины начали возвращаться через час. И первыми на краю ущелья появились октанцы. Те самые, которые попали в огненную ловушку и были, наконец-то, спасены. Они брели по петляющей тропе меж валунов медленной, спотыкающейся вереницей, больше похожие на восставших из могил мертвецов, настолько черна была их кожа от гари, изодрана обгоревшая одежда, тяжело дыхание, срывающееся на надсадный, мучительный кашель. Они плелись, едва переставляя ноги, поддерживая друг друга, иногда ведомые сареймянами, выглядевшими не многим лучше. Некоторых тащили на растянутых плащах, кто сильнее пострадал, и Милена нервно сглотнула в ожидании очередного трудного пациента при смерти.

Мужчины добирались до лагеря и обессиленно валились прямо на землю со стонами и хрипами. Девушка метнулась к побледневшему Жемадису, совсем растерявшемуся от наплыва пары сотен нуждающихся в медицинской помощи воинов. Ибо остальные лекари до сих пор не вернулись в лагерь.

– Жемадис! – настойчиво окликнула его Милена. – Если вы не хотите моего вмешательства в судьбу целого отряда октанцев, что, видимо, не означает для них ничего хорошего, тогда сделайте то, что я вам скажу. Пожалуйста! У нас нет времени на сомнения. Вы готовы?

Знахарь обреченно покачал лысой головой и позвал Вастеса, который оторопело шарил дрожащей рукой по лекарскому саквоюжу в поисках нужных трав.

– Сеньора Милена, мы постараемся выполнить все, что в наших силах. Нас только четверо, кто может осмотреть и помочь этим несчастным, но... Я все еще не доверяю вашим чужеземным снадобьям. Больно уж странно они выглядят.

– Но Шимботу же полегчало! – в отчаянии воскликнула Милена, для которой каждая минута проволоочки казалась непоправимой ошибкой. – Я ничем ему не навредила! Я же обещала вам, что в наших лекарствах нет ничего опасного. Исключительно помощь!

Жемадис раздраженно поджал тонкие сухие губы и взмахнул костлявой рукой.

– Будь по-вашему, сеньора Милена! Ежели вы знаете, что делать, мы готовы приступить.

– Тогда за работу! – поторопила его девушка. – Я подам нужные препараты и подскажу, как с ними управляться. Там ничего особо сложного: промыть, смазать, перевязать и напоить. Речь лишь о снятии боли, воспаления и об обработке обожженных тканей.

О том, как лысый знахарь будет оперативно учиться делать уколы, Милена даже не желала думать заранее. Как-нибудь придется! Потому что их избежать уже не выйдет. Жемадис с неохотой кивнул и позвал оставшихся лекарей, которые с нескрываемым сочувствием косились на распластавшихся и хрипящих погорельцев, видимо, считая их неизлечимыми. Но перечить старшему коллеге не посмели и закатали рукава врачебательских рубаш. И все снова завертелось поломанным детским калейдоскопом. Только в этот раз Милена честно не прикасалась к октанцам, а протягивала знахарям тампоны, перекись, спирт, нашатырь, бинты, тюбики с гелем, антибактериальную мазь, таблетки жаропонижающего и раздавала указания.

Ожогов оказалось много, но ничего похожего на чудовищные травмы Шимбота! Многие воины были сильно истощены, обезвожены и отравлены угарным газом. То и дело приходилось поить водой тех, кто с жадностью припадал к наполненному ведру, и смачивать лицо и губы тех, кто бессильно терял сознание. Резкий запах нашатыря приводил их в чувство безотказно, но Милена понимала: нужно время! Воздух в ущелье постепенно становился чище и свежее, и мужчинам просто необходимо продышаться кислородом, не отравленным продуктами горения. Вывод токсинов из крови и легких не мог ускориться без кислородных масок, которых тут, разумеется, не имелось. Поэтому покой, питье, обезболивающее и повязки с гелем поверх ожогов – это все, что они могли сделать для пострадавших.

А вот кому уже ничем не помочь, лежали в стороне устрашающим рядом: восемь погибших, которых принесли в лагерь для дальнейшего погребения. И это еще неплохой исход. Впрочем, не рано ли подсчитывать потери? Где-то там продолжала бороться с огнем сотня воинов, и кто из них не вернется на своих ногах, неизвестно.

Милена абсолютно выбилась из сил, как заведенная летая с лекарствами и бинтами между пациентами. К счастью, вскоре в лагерь вернулись остальные знахари и принялись варить обезболивающие травяные настои. Не помешают! В конце концов, это тоже должно облегчить физические страдания. Кухарки же во главе с Церсенией вновь уселись у котлов и начали готовить простую бобовую похлебку. Пока всем было не до кулинарных изысков. Хоть чем-то накормить отряд, и то хорошо! Никто не ел со вчерашнего вечера. Милена даже не заметила, как кто-то из женщин насильно всучил ей в руки плоску с чем-то съедобным, и ей пришлось прерваться с перевязками. Она и сама понимала, что едва не валится на землю от усталости, стресса и вновь накатившей слабости вкупе с налившейся свинцом рукой. Она просто посидит пять минут и снова примется за работу!

Ближе к сумеркам в лагерь потянулись и сареймяне, принесшие первую благую весть за последние сутки: земля потухла. До ушей девушки долетали разрозненные и короткие фразы, из которых она пыталась сложить в переутомленном сознании более-менее внятную картину происходящего. Выходило не очень, но примерно она поняла. Горящий торф и правда залегал слишком глубоко, поэтому ров и вырубленная просека остановили лишь верховой пожар. Скрытые искры незаметно и беспрепятственно пробрались дальше и вырвались на поверхность прямо за деревней, затянув поставленную на караул сотню октанцев в раскаленные тиски. Пришедшие им на помощь товарищи по отряду честно сделали то, что она наказала Терсонису: залили раствор с химикатами наперерез огню и принялись прокладывать безопасный путь сквозь дымящуюся землю к узникам. Но те необдуманно поторопились. Не перепроверили. И пошедший первым по хлипкому бревенчатому настилу Шимбот попросту угодил в пылающую яму, провалившись в прогоревшую полость под верхним слоем земли. Чудо, что его смогли оттуда вытащить, да еще и живого! Вторая попытка стала более осторожной, и спустя несколько часов все октанцы сумели пробраться на волю из поглощенного дымом и жаром опасного участка.

Несчастных увели, а оставшиеся воины приступили к финальному добиванию ненавистного пожара. И теперь одно то, что большая часть мужчин находилась в лагере, говорило об успехе. Впрочем, вчера всем тоже казалось, что огонь покорен. Может, стихия будет играть с ними так до бесконечности, раз за разом дразня очередными очагами торфяных возгораний в новых местах, а им, словно слепым щенкам, останется лишь неумело возиться с ведрами воды, куда уже скоро будет нечего добавлять? Сульфат аммония не безграничен и, скорее всего, почти полностью израсходован.

– Сеньора Рохос! – внезапно позвал ее подошедший лекарь Жемадис, и девушка с трудом вырвалась из размышлений. – Шимбот очнулся, думаю, вам стоит быть рядом. Он очень плох.

Октанец действительно пришел в себя после небытия, в котором пребывал последние часы. Вряд ли он четко осознавал реальность, ибо распахнутые, покрытые кровавой сеточкой глаза казались мутными, подернутые нехорошей пленкой, и смотрели в никуда. Милена присела рядом с Шимботом на землю и разложила очередные ампулы, тьюбики и бинты. Но первым делом она осторожно приподняла его голову и дала напиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.